

ЛОРАН БИНЕ

СЕДЬМАЯ
ФУНКЦИЯ
ЯЗЫКА

Р О М А Н

Лоран Бине

Седьмая функция языка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51292027

Седьмая функция языка: Издательство Ивана Лимбаха; Санкт-Петербург; 2019

ISBN 978-5-89059-367-2

Аннотация

1980 год. Париж. Философ и литературовед Ролан Барт умирает в больничной палате – его сбила машина: трагическая случайность или убийство? Среди подозреваемых Мишель Фуко, Жак Деррида, Жиль Делез, Юлия Кристева – весь интеллектуальный цвет Европы второй половины XX века, а еще – партизаны из «Красных бригад» и некое тайное общество...

Возможная цель убийц – рукопись гуру лингвистики Романа Якобсона о седьмой, магической, функции языка. Обладатель секрета получит возможность воздействовать на сознание человека, а значит – стать властелином мира: быть избранным, провоцировать революции, соблазнять. Поскольку история разыгрывается в решающие месяцы предвыборной кампании, мы понимаем в каких сферах находится возможный заказчик преступления...

«Седьмую функцию языка» Лорана Бине, лауреата Гонкуровской премии (2010), можно рассматривать и как пародию на детективные и шпионские романы, и как хитрую

головоломку для читателей, ищущих связь между вымыслом и реальностью. Каким бы ни было прочтение, умение автора оперировать стилями и культурными кодами, балансируя между массовой и элитарной литературой, никого не оставит равнодушным.

Роман отмечен премиями «Prix du roman Fnac» и «Prix Interallié» и был переведен на тридцать языков. Тираж книги во Франции составил 200 000 экземпляров.

2-е издание, исправленное.

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	11
3	14
4	17
5	20
6	26
7	27
8	34
9	42
10	45
11	50
12	59
13	66
14	70
15	77
16	78
17	88
18	91
19	95
20	96
21	101
22	108

23	110
24	116
25	125
26	131
27	133
28	141
29	143
30	149
31	158
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Лоран Бине

Седьмая функция языка

*Переводчики – они везде. Каждый говорит на своем языке, даже немного зная чужой. Лукавства переводчику не занимать, и свой интерес он помнит.
Деррида*

Laurent Binet

La septième fonction du langage

Editions Grasset & Fasquelle

Paris

2015

© Editions Grasset & Fasquelle, 2015

© А. Б. Захаревич, перевод, 2019

© Ирене Сушек, статья, 2019

© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2019

© Издательство Ивана Лимбаха, 2019

Часть первая

Париж

1

Жизнь – не роман. Во всяком случае, вам хочется в это верить. Ролан Барт бредет по рю де Бьевр, от Сены – вверх. Величайший критик XX века сам не свой – и не удивительно. Умерла его мать, а отношения у них были поистине прустовские¹. К тому же курс в Коллеж де Франс, который он назвал «Подготовка романа», терпит фиаско, и ему трудно себе в этом не признаться: целый год он рассказывает студентам о японских хокку, о фотографии, об означающих и означаемых, о Паскалевой философии развлечения, об официантах в кафе, о халатах и распределении мест в аудитории – обо всем, кроме романа. И так почти три года подряд. Конечно, он понимает, что этот курс – лишь способ оттянуть время, прежде чем он сядет за настоящий литературный опус и воздаст должное самому утонченному из романистов, который в нем дремлет, но, по общему мнению, уже начал пробуждаться во «Фрагментах любовной речи» – этой новой биб-

¹ Особая привязанность Марселя Пруста к матери отражена, в частности, в романах цикла «В поисках утраченного времени». *Здесь и далее примеч. пер.*

лии для тех, кому нет двадцати пяти. Из Сент-Бёва в Прусты – настало время переродиться и занять причитающееся ему место в писательском пантеоне. Мама умерла: круг, начатый «Нулевой степенью письма», замкнулся. Час пробил.

Политика – ну да, будет видно. После поездки в Китай ярим маоистом его не назовешь. Да и не этого от него ждут.

Шатобриан, Ларошфуко, Брехт, Расин, Роб-Грийе, Мишле, Мама (для него – с большой буквы). Золото, а не ребенок.

Я вот думаю: был ли квартал уже тогда усеян магазинами «Бывалый турист»?

Через четверть часа он будет мертв.

Уверен, что на рю де Блан-Манто кормили на совесть. Мне представляется, что по части еды там у всех губа не дура. В «Мифологиях» Ролан Барт разбирает современные мифы, созданные буржуазией для самовозвеличивания: благодаря этой книге он стал по-настоящему знаменит; то есть, в некотором смысле, буржуазия и его вознесла. Правда, это мелкая буржуазия. Солидный буржуа, вздумавший служить народу, – это особый случай, достойный анализа; стоит написать статью. Вечером? Можно и прямо сейчас. Хотя нет, сначала надо разложить диапозитивы.

Ролан Барт ускоряет шаг, но совершенно не воспринимает внешний мир; а ведь он прирожденный наблюдатель, его дело – наблюдать и анализировать, и всю жизнь он занят тем, что гоняется за всевозможными знаками. Он практически не замечает ни деревьев, ни тротуаров, ни витрин, ни машин на

бульваре Сен-Жермен, который знает, как свои пять пальцев. Здесь не Япония. Он больше не чувствует покалывающего холода. И едва слышит уличный гул. Чем не аллегория: пещера наоборот² – мир идей, в котором он себя запер, затуманивает восприятие мира чувственного. Вокруг себя он видит лишь тени.

Причины, о которых я упомянул, объясняя тревоги Ролана Барта, подтверждены Историей, но мне хочется рассказать вам, что же произошло в действительности. Да, в этот день его мысли витают где-то далеко, однако дело тут не только в смерти матери, в неспособности написать роман или даже во все более очевидном и, как он сам полагает, необратимом охлаждении к юношам. Я не говорю, что он об этом не думает, – характер его маниакальных неврозов мне предельно ясен. Но сегодня есть кое-что еще. Заметив отсутствующий взгляд человека, погруженного в свои мысли, внимательный прохожий узнал бы признаки того состояния, которое, как казалось Барту, к нему уже не вернется: он крайне возбужден. Тут вам не только мать, юноши или роман-фантом. Тут еще и *libido sciendi*, жажда знания, а с ней – вновь наметившаяся и дорогая сердцу тщеславца перспектива совершить переворот в человеческом сознании и, быть может, изменить мир. Уж не мнит ли себя Барт Эйнштейном, вынашивающим знаменитую теорию, пока переходит рю дез

² Имеется в виду предложенный Платоном образ пещеры как чувственного – иллюзорного – мира, которому противопоставлен истинный мир идей.

Эколь? Очевидно одно: он невнимателен. До рабочего кабинета остается несколько десятков метров, когда его сбивает грузовик-полупортка. Глухой стук, характерный и страшный, – удар тела о листовое железо, и вот оно катится по мостовой, как тряпичная кукла. Прохожие вздрагивают. Но откуда им было знать тогда, среди бела дня, 25 февраля 1980 года, что именно произошло у них на глазах, если мир не ведаёт этого до сих пор?

Семиология – штука очень странная. Фердинанд де Соссюр, отец лингвистики, первым ухватил ее суть. В своем «Курсе общей лингвистики» он предлагает «представить себе науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества»³. Всего-то навсего. И вместо подсказки добавляет для тех, кто уже готов дерзнуть: «Такая наука явилась бы частью социальной психологии, а следовательно, и общей психологии; мы назвали бы ее семиологией (от *греч.* *sēmeîon* – знак). Она должна открыть нам, что такое знаки и какими законами они управляются. Поскольку она еще не существует, нельзя сказать, чем она будет; но она имеет право на существование, а ее место определено заранее. Лингвистика – только часть этой общей науки: законы, которые откроет семиология, будут применимы и к лингвистике, и эта последняя, таким образом, окажется отнесенной к вполне определенной области в совокупности явлений человеческой жизни». Как бы я хотел, чтобы Фабрис Лукини⁴ перечитал для нас этот фрагмент, выделяя слова, как он это умеет, чтобы весь мир воспринял если не смысл, то хотя бы их красоту. Гениаль-

³ Цит. по: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Под ред. Ш. Балли и А. Сеше. Перевод А. Сухотина.

⁴ Фабрис Лукини (Fabrice Luchine, р. 1951) – французский актер театра и кино. В середине 2000-х гг. он записал аудиокнигу «Фрагменты любовной речи» Барта.

ное наитие, практически недоступное пониманию современников (курс был прочитан в 1906 году), спустя целый век не утратило грандиозности и не стало яснее. Многие семиологи с тех пор попытались предложить более прозрачные и при этом более подробные определения, но начали противоречить друг другу (порой сами того не осознавая), все запутали и в итоге лишь расширили (да и то незначительно) свод знаковых систем, не относящихся к языку: правила дорожного движения, международный морской кодекс, нумерация автобусов, нумерация комнат в отеле дополнили систему воинских званий, азбуку жестов у глухонемых... да, в общем-то, и все.

Небогато, учитывая изначальный замах.

Если так посмотреть, то семиология, – которая не просто расширяет сферу лингвистики, – сведется к изучению грубых протоязыков, гораздо менее сложных и отсюда более ограниченных, с чем их ни сравни.

Но вообще-то – нет.

Не случайно Умберто Эко, этот болонский мудрец, один из последних семиологов, живущих на этом свете⁵, так часто обращается к великим открытиям, поворотным в истории человечества: колесо, ложка, книга – все это для него совершенный инструментарий, дающий небывалые возможности. В самом деле, есть основания считать семиологию фундаментальным изобретением человечества и одним из

⁵ Роман написан в 2015 г. Умберто Эко скончался в 2016 г.

мощнейших инструментов, созданных человеком, но это как огонь или атом: поначалу не всегда понятно, зачем это нужно и что с этим делать.

3

А ведь через четверть часа он был еще жив. Ролан Барт лежит там, где проходит водосточный желоб, неподвижно, только свистящий хрип вырывается из легких, и пока его разум погружается в бессознание в вихре хокку, расиновских александрийских строф и Паскалевых афоризмов, он слышит – и это, быть может, последнее, что уловит слух, мелькает у него мысль (мелькает, определено) – крики перепуганного мужика: «Он сам бр-росился! Сам бр-росился!» Что это за акцент? Вокруг него прохожие – вышли из ступора, столпились, наклоняются над его почти трупом, спорят, прикидывают, оценивают:

– Надо вызвать «скорую»!

– А толку? Он уже того.

– Он сам бр-росился, вы свидетели!

– Как его шмякнуло.

– Бедняга.

– Нужно найти телефонную будку. У кого есть монетки?

– Я даже затор-рмозить не успел!

– Не трогайте его, надо дождаться «скорой».

– Отойдите! Я врач.

– Не переворачивайте его.

– Я врач. Он еще жив.

– Надо сообщить родным.

– Бедняга.

– Я его знаю!

– Самоубийца?

– Надо бы выяснить его группу крови.

– Это мой клиент. Каждое утро заходит опрокинуть маленькую.

– Больше не придет.

– Он пьян?

– Спиртным несет.

– Стаканчик белого за стойкой, каждое утро, год за годом.

– Группу крови это нам не проясняет.

– Он пер-реходил и не смотр-рел!

– Водитель не должен терять контроль над транспортным средством, что бы ни случилось, здесь такой закон.

– Ничего, старик, лишь бы страховка была нормальная.

– Зато потом страховая три шкуры сдерет.

– Не трогайте его!

– Я врач!

– Я тоже.

– Тогда помогите ему. А я – за «скорой».

– Мне гр-руз надо р-развезти...

В большинстве языков мира «р» – апикально-альвеолярный звук, так называемое раскатистое «р», в отличие от французского, в котором «р» вот уже лет триста – дорсально-велярное. Нет раскатистого «р» ни в немецком, ни в английском. Ни в итальянском, ни в испанском. Может, порту-

гальский? Да, слегка гортанный, но произношение у мужика не назальное и недостаточно певучее, можно сказать – монотонное, так что даже модуляции страха едва уловимы.

Как будто русский.

Как же семиология, родившись из лингвистики и чуть не оставшись недоношенным уродцем, обреченным изучать самые бедные и неразвитые языки, в последний момент умудрилась превратиться в настоящую нейтронную бомбу?

Без Барта метаморфоза не обошлась.

Вначале семиология предалась изучению нелингвистических коммуникационных систем. Сам Соссюр учил своих студентов: «Язык есть система знаков, выражающих понятия, а следовательно, его можно сравнивать с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами вежливости, с сигналами у военных и т. д. и т. п. Это всего лишь наиважнейшая из этих систем». Что правда, то правда, но при условии, что мы будем называть знаковыми только те системы, которые предназначены для коммуникации, эксплицитной и интенциональной. Бюиссанс⁶ определяет семиологию как «изучение способов коммуникации, то есть средств, которые служат для влияния на других с условием, что те, на кого влияние оказывается, эти средства признают».

Барт гениален, потому что не ограничился коммуникационными системами и расширил поле исследования до систем

⁶ Эрик Бюиссанс (Eric Buysens, 1910–2000) – бельгийский лингвист, специалист в области английского, немецкого и французского языкознания.

значений. Вкусив измы языка, довольно быстро утрачиваешь интерес к прочим языковым формам: лингвиста, увлекшегося изучением системы дорожных знаков или военных уставов, можно сравнить с шахматистом или игроком в покер, пристрастившимся к тароку и рами⁷. Как сказал бы Умберто Эко: язык – самое то для коммуникации, лучше не придумаешь. Между тем язык не может выразить все. Говорит также тело, говорят предметы, история говорит, судьбы частные и собирательные, жизнь и смерть беспрестанно говорят с нами тысячью разных способов. Человек – интерпретирующий механизм, и при малой толике воображения он всюду видит знаки: будь то цвет пальто жены, царапина на двери автомобиля, гастрономические предпочтения соседей по площадке, месячные показатели безработицы во Франции, банановый вкус божоле нуво (это всегда либо банан, либо, реже, малина. Отчего так? Неизвестно, но объяснение должно быть, и непременно семиологическое), гордая поступь и прямая стать чернокожей женщины, которая перед его носом мерит шагом переходы метро, привычка соседа по кабинету не застегивать две верхние пуговицы рубашки, ритуальные танцы футболиста, радующегося голу, стоны его подружки, сообщающей тем самым, что у нее оргазм, дизайн скандинавской мебели, логотип генерального спонсора теннисного турни-

⁷ Тарок – старинная карточная игра, популярная в Европе с XV в. Для нее требуется специальная колода, в которой собраны традиционные карты и карты Таро; рами – карточная игра, участникам которой необходимо как можно быстрее избавиться от карт, составляя из них различные комбинации.

ра, музыка на титрах фильма, архитектура, живопись, кухня, мода, реклама, оформление интерьера, западный образ женщины и мужчины, любви и смерти, неба и земли... Знаки у Барта перестали быть сигналами: они стали признаками. Огромная разница. Они повсюду. Теперь семиология готова завоевать этот необъятный мир.

Комиссар Байяр прибыл в отделение интенсивной терапии госпиталя Питье-Сальпетриер, где ему сообщили номер палаты Ролана Барта. В деле, которое у него на руках, следующая информация: мужчина шестидесяти четырех лет, сбит легким грузовиком, обслуживающим прачечные, на рю дез Эколь, в понедельник днем, на пешеходном переходе. Водитель грузовика – некто Иван Деляхов, болгарин, в его крови найдена небольшая доза алкоголя, в пределах нормы: 0,6, ниже разрешенных 0,8. Он признал, что должен был доставить рубашки и опаздывал. Правда, заявил, что ехал со скоростью, не превышавшей 60 км/ч. Пострадавший был без сознания, и когда прибыла «скорая», при нем не нашлось документов, однако его опознал коллега, некий Мишель Фуко, профессор Коллеж де Франс и писатель. Выяснилось, что это Ролан Барт, также профессор Коллеж де Франс и писатель.

Нет пока в этом деле ничего такого, что требовало бы срочной отправки следователя, и тем более комиссара Управления безопасности. Появление Жака Байяра объясняет, в сущности, всего одна деталь: 25 февраля 1980 года Ролан Барт попал под машину, возвращаясь после обеда с Франсуа Миттераном на рю де Блан-Манто.

Никакой связи между обедом и несчастным случаем априори нет, как и между кандидатом от социалистов на прези-

дентских выборах, которые должны пройти в следующем году, и водителем-болгарином, нанятым прачечной компанией, но на то оно и Управление безопасности, чтобы обеспечивать безопасность, особенно сейчас, в преддверии избирательной кампании, и выяснять все о том, что связано с Франсуа Миттераном. Хотя, судя по настроениям, Мишель Рокар⁸ намного популярнее (опрос «Софр»⁹, январь 1980-го: «Кто лучший кандидат от социалистов?» Миттеран – 20 %, Рокар – 55 %); правда, наверху явно считают, что перейти Рубикон он не решится: социалисты чтут порядок, а Миттеран переизбрался на место главы партии. Шесть лет назад он уже собрал 49,19 % голосов против 50,81 %, доставшихся Жискару, и это наименьший разрыв, зафиксированный на президентских выборах после введения всеобщего прямого голосования. В общем, есть риск, что впервые в истории Пятой республики президента выберут от левых, вот почему управление поспешило направить следователя. Перед Жаком Байяром изначально стоит задача – выяснить, не перепил ли Барт у Миттерана и не участвовал ли, часом, в садомазохистской оргии с собаками. В последние годы скандалы редко касались лидера социалистов – он как будто осторожничал. Мнимое похищение в саду Парижской observa-

⁸ Мишель Луи Леон Рокар (Michel Louis Léon Rocard, 1930–2016) – французский политик-социалист; премьер-министр Франции в 1988–1991 гг.

⁹ «Sofres» – компания, с 1963 г. занимавшаяся проведением опросов общественного мнения. Впоследствии переросла в крупнейшую французскую компанию социальных и маркетинговых исследований под брендом TNS.

тории¹⁰ было забыто. Что до перехода к Виши и полученной франциски¹¹, на этом – табу. Нужно что-то новенькое. Жаку Байяру официально поручено проверить обстоятельства происшествия, но он-то прекрасно знает, чего от него ждут: надо разведать, нет ли возможности подмочить репутацию кандидата социалистов – покопаться и, если получится, очернить.

Подходя к палате, Жак Байяр видит в коридоре очередь в несколько метров. Все хотят навестить пострадавшего. Хорошо одетые старики, плохо одетые юнцы, плохо одетые старики, хорошо одетые юнцы, вид разномастный, патлатые и стриженные, какие-то магрибские типажи, мужчин больше, чем женщин. Ждут очереди и о чем-то спорят, громко говорят, ссорятся, другие читают или курят. Байяр еще не успел понять, насколько Барт знаменит, и, вероятно, задается вопросом, из-за чего такой хипеж. Пользуясь своим положением, он огибает очередь и, бросив на ходу: «Полиция», попадает в палату.

Сразу же отмечает: необычно высокая кровать, трубка вставлена в горло, гематомы на лице, грустный взгляд. В по-

¹⁰ Имеется в виду покушение на Франсуа Миттерана, случившееся в ночь с 15 на 16 октября 1959 г. Предполагалось, что оно было организовано противниками идеи независимости Алжира, однако в ходе расследования Миттеран был обвинен в инсценировке нападения, что отразилось на его политической карьере.

¹¹ Имеется в виду учрежденный маршалом Петеном, главой правительства Виши, орден Франциски, небольшой нагрудный знак в виде франциски – боевого топора франков.

мещении еще четверо: младший брат, издатель, ученик и эдакий молодой арабский принц, весь лощенный. Принц – это Юсеф, общий друг мэтра и ученика, Жана-Луи, которого мэтр считает самым блестящим своим студентом – во всяком случае, питает к нему самые нежные чувства. Жан-Луи и Юсеф живут в одной квартире в тринадцатом округе, где устраивают вечеринки, озаряющие жизнь Барта радужным светом. Кого там только нет – студенты, актрисы, разные знаменитости, часто Андре Тешине, иногда Изабель Аджани и постоянно – толпа молодых интеллектуалов. Комиссара Байяра эти подробности пока что не волнуют, его дело – выявить обстоятельства происшествия. В госпитале Барт очнулся. «Глупо! Как глупо!» – повторял он сбежавшимся близким. Несмотря на множество ушибов и несколько сломанных ребер, его состояние большой тревоги не вызывало. Но у Барта, по словам его брата, есть ахиллесова пята: легкие. В юности он подхватил туберкулез, а еще любит дымить сигарой. Отсюда – хронические проблемы с дыханием, сказавшиеся и в эту ночь: он задыхается, его приходится интубировать. Когда появляется Байяр, Барт в сознании, но не может говорить.

Байяр осторожно обращается к пострадавшему. Он хочет задать несколько вопросов, в ответ достаточно будет кивать – да или нет. Барт смотрит на комиссара глазами грустного спаниеля. И едва заметно кивает.

«Когда вас сбило транспортное средство, вы возвраща-

лись к себе на службу, верно?» Барт кивает – да. «Машина ехала с большой скоростью?» Барт медленно наклоняет голову сначала в одну, потом в другую сторону, и Байяр понимает, что ответа не будет. «Вы рассеянный человек?» Да. «Ваша невнимательность была как-то связана с обедом, на котором вы побывали?» Нет. «С подготовкой к лекции?» Пауза. Да. «За обедом вы встречались с Франсуа Миттераном?» Да. «Было ли во время встречи что-нибудь особенное или необычное?» Пауза. Нет. «Вы пили алкоголь?» Да. «Много?» Нет. «Бокал?» Да. «Два?» Да. «Три?» Пауза. Да. «Четыре?» Нет. «Были ли у вас с собой какие-либо документы, когда случилось происшествие?» Да. Пауза. «Вы уверены?» Да. «Когда за вами приехали, документов при вас не нашлось. Могли вы забыть их дома или еще где-нибудь?» Более долгая пауза. Внезапно взгляд Барта словно вновь загорается. Он качает головой – нет. «Не помните ли вы манипуляций, которые, возможно, производили с вами, пока вы были на земле, до приезда „скорой“?» Барт как будто не понимает вопроса или не слушает. Показывает – нет. «Нет – вы не помните?» Снова пауза, но на этот раз Байяр, кажется, сумел расшифровать выражение лица: недоверие. Барт показывает «нет». «Были ли в вашем бумажнике деньги?» Барт неподвижно смотрит на собеседника. «Месье Барт, вы меня слышите? Были ли у вас деньги?» Нет. «Ценные вещи?» Ответа нет. Взгляд настолько неподвижный, что если бы не странный огонек в глубине зрачков, можно было бы поду-

мать, что Барт мертв. «Месье Барт? Были ли у вас при себе ценности? Могли ли у вас что-нибудь украсть?» Тишину в палате нарушает только хриплое дыхание Барта через трубку. Еще несколько долгих секунд. Барт медленно показывает – нет; потом отворачивается.

6

Что-то здесь не так, – думает комиссар Байяр, выходя из госпиталя; похоже, видевшееся ему рутинным расследование на поверку окажется не таким уж формальным; исчезновение документов – любопытная загадка для банального, казалось бы, происшествия; надо разобраться что к чему, придется допросить больше народу, чем он поначалу предполагал; поиски стоит вести от рю дез Эколь – там, где Коллеж де Франс (о существовании этого учреждения он раньше не подозревал и не совсем понял, что там такое); начнет он с Фуко, «профессора, специалиста в области истории философских систем» (*sic*); потом надо будет опросить толпу косматых студентов, плюс – свидетелей происшествия, плюс – друзей жертвы. Он одновременно озадачен и раздосадован навалившейся работой. Но точно знает, как понимать увиденное в госпитальной палате. В глазах Барта был страх.

Комиссар Байяр погружен в свои мысли и не замечает черный «Ситроен DS»¹², припаркованный на другой стороне бульвара. Он садится в свой казенный «Пежо 504» и едет в сторону Коллеж де Франс.

¹² Легендарный автомобиль бизнес-класса, выпускавшийся в 1955–1975 гг. и известный как «богиня» – от французского слова «*déesse*», именно так читается буквенное обозначение модели DS. О том, как он в реальности связан с Роланом Бартом, читайте далее.

В вестибюле вывешен перечень курсов, которые здесь читают: «Ядерный магнетизм», «Нейропсихология развития», «Социография Юго-Восточной Азии», «Христианство и гностицизм на Востоке в доисламский период»... Немного растерявшись, комиссар идет в преподавательскую и спрашивает, как найти Мишеля Фуко. Ему отвечают, что он сейчас на лекции.

В аудитории народу битком. Байяру даже не протиснуться внутрь. При попытке пробиться вперед его рикошетит от плотной стены возмущенных слушателей. Какой-то снисходительный студент шепотом объясняет ему, как тут принято: хочешь сесть в зале – приходи за два часа до начала. Если мест нет, довольствуйся аудиторией напротив: там идет радиотрансляция. Фуко не видно, но хотя бы слышно. Байяр направляется в аудиторию В, которая тоже заполнена, но места все же есть. Толпа самая пестрая: молодые и старики, хиппи, яппи, панки, готы, англичане в твидовых жилетах, итальянки с декольте, иранки в чадрах, старушки с собачками. Он садится рядом с двумя близнецами – парнями в костюмах астронавтов (разве что без шлемов). Атмосфера рабочая, народ строчит конспекты и сосредоточенно слушает. Время от времени раздается кашель: как в театре, только на сцене никого. Голос из динамиков звучит гундосо – на-

поминает манеру сороковых: не Шабан-Дельмас¹³, конечно, но, скажем так, нечто среднее между Жаном Маре и Жаном Пуаре¹⁴, и тембром повыше.

«Проблема, о которой я хотел бы поговорить, – вещает голос, – такова: в чем в контексте понятия спасения – то есть в контексте понятия озарения или понятия искупления, обретенного людьми при первом крещении, – в чем может быть смысл повторяющегося покаяния или даже повторяющегося греха?»

Очень умно: что-что, а это Байяр чувствует. Он пытается уловить, о чем речь, напрягается, но в этот момент Фуко как назло произносит: «Таким образом индивид, стремящийся к истине и проникнутый к ней любовью, в собственной речи выражает истину, которая есть не что иное, как проявление в нем самом истинного присутствия Бога, изрекающего только истину, ибо сам он никогда не лжет, он правдив».

Если бы Фуко в тот день говорил о тюрьмах, о системе контроля, об археологии, о биовласти или генеалогии – кто знает... Но голос беспощадно ведет свою линию: «Даже если некоторые философы и школы космологии допускают, что мир и правда может вращаться в том или ином направлении,

¹³ Жак Шабан-Дельмас (Jacques Chaban-Delmas, 1915–2000) – политик; участник Сопrotивления и близкий соратник Шарля де Голля; возглавлял парламентскую группу «социальных республиканцев»; во время президентства Жоржа Помпиду был премьер-министром Франции (1969–1972).

¹⁴ Жан Гюстав Пуаре (Jean Gustave Poiré, 1926–1992) – французский актер, режиссер театра и кино, драматург.

то в жизни индивида время однонаправленно». Байяр слушает, не вникая, его убаюкивает дидактичное и при этом хорошо поставленное звучание, можно сказать – мелодичное, выстроенное на мастерском владении ритмом, паузами и акцентами.

Интересно, этот тип зарабатывает больше, чем он?

«Между системой, в которой закон распространен на действия и соотносится с субъектом волеизъявления, а следовательно, между бесконечной повторяемостью греха, с одной стороны, и моделью спасения и совершенства, которая распространяется на субъекты, имплицитно темпоральность и необратимость, с другой, нет, как я полагаю, возможности соединения».

Да ясен перец! Байяру не сдержать безотчетной злобы, которая заставляет его заранее ненавидеть этот голос. Вот с кем полиции приходится конкурировать, претендуя на средства налогоплательщиков. С такими же функционерами, с одной лишь разницей: он-то, комиссар, заслужил, чтобы общество вознаградило его за работу. А этот Коллеж де Франс – что вообще такое? Основан Франциском I – ну да, это он на входе прочел. И что? Эти лекции, на которые заходи кто хошь, интересны только безработным левакам, пенсионерам, блаженным и преподам, дымящим трубками; какие-то невероятные дисциплины, о которых он слыхом не слыхивал. Ни дипломов, ни экзаменов. Таким, как Барт и Фуко, платят за то, что они пудрят людям мозги. Одно Байяру ясно как день:

ремеслу здесь не учат. *Эпистема*, дьявол ее забодай!

Голос прощается до следующей недели, Байяр снова идет в аудиторию А и, пробравшись сквозь встречный поток слушателей, хлынувший из двустворчатых дверей, попадает наконец в амфитеатр, где в самом низу видит лысого очкарика в водолазке, надетой под пиджак. С виду сильный, рослый, волевая чуть выступающая челюсть, гордая осанка – как у тех, кто понимает, что мир признал их заслуги, – и совершенно гладкий череп. Байяр подходит к кафедре: «Месье Фуко?» Лысый долговяз собирает свои записи: типичный препода, расслабившийся после лекции. Он доброжелательно поворачивается к Байяру – знает, какую робость порой приходится побеждать его почитателям, чтобы с ним заговорить. Байяр достает удостоверение. Ему ведь тоже хорошо известно, какое впечатление оно производит. Фуко на миг замирает, смотрит на документ, изучает полицейского взглядом, после чего вновь возвращается к своим записям. Произносит театрально, как будто обращаясь к публике, которая начала расходиться: «Я против, чтобы власти устанавливали мою личность». Байяр делает вид, что не слышал: «Это по поводу несчастного случая».

Лысый долговяз запикивает записи в портфель и молча спускается с кафедры. Байяр бежит за ним: «Месье Фуко, вы куда? Я должен задать вам несколько вопросов!» Фуко широкими шагами взбирается по ступеням амфитеатра. Отвечает, не оглядываясь, в сторону, чтобы донеслось до ушей

еще оставшихся слушателей: «Я против, чтобы власти ограничивали мою свободу передвижения!» В зале смех. Байяр хватает его за руку: «Я только хочу узнать вашу версию событий». Фуко встает на месте и молчит. Все его тело напряглось. Он смотрит на руку, схватившую его за локоть, как если бы речь шла о самом возмутительном покушении на права человека со времен геноцида в Камбодже. Байяр не отпускает. Вокруг – перешептывание. Проходит не меньше минуты, Фуко соглашается говорить: «Моя версия – его убили». Байяр не уверен, правильно ли он понял:

– Убили? Кого?

– Моего друга Ролана.

– Но он не умер!

– Он уже мертв.

Фуко изучает собеседника напряженным близоруким взглядом из-под очков и медленно, почти по слогам, выговаривает, точно формулируя вывод из длинного рассуждения, тайная логика которого известна ему одному:

– Ролан Барт мертв.

– Но кто его убил?

– Система, разумеется!

Слово «система» подтверждает худшие опасения полицейского: он понимает, что нарвался на леваков. Ему по опыту известно, что у них одно на языке: прогнившее общество, классовая борьба, «система». Байяр с интересом ждет, что будет дальше. Фуко великодушно соглашается его просве-

тить:

– Над Роланом жестоко насмехались в последние годы. У него была парадоксальная способность видеть истинную суть вещей, обнаруживать в них необычайную новизну, и поэтому его ругали за специфический язык, выставляли в гротескном, пародийном, карикатурном, сатирическом свете...

– Вам известны его враги?

– Конечно! С тех пор как он в Коллеж де Франс... это я его привел... завистников стало вдвое больше. Кругом одни враги: реакционеры, обыватели, фашисты, сталинисты, а главное – все эти старперы, замшелые критиканы, которые так и не простили ему...

– Чего не простили?

– Что он посмел думать! Посмел усомниться в их старперских буржуазных методах, высветил их вонючие нормативные принципы, показал их истинное лицо старой проститутки, уродливое в своей глупости и беспринципности!

– Но кто конкретно?

– Нужны имена? Вы что, смеетесь? Все эти Пикары, Помье, Рамбо, Бюрнье! Будь их воля, они бы своими руками всадили в него дюжину пуль во дворе Сорбонны у статуи Виктора Гюго!

Фуко резко срывается с места и, поскольку Байяр этого не ожидал, сразу оказывается на несколько метров впереди. Он выходит из аудитории, идет по лестнице, комиссар спешит следом, не отстает, их подошвы гулко шлепают по каменным

ступеням, Байяр окликает:

– Месье Фуко, кто все эти люди?

Фуко, не оборачиваясь:

– Псы, шакалы, дураки набитые, ослы, ничтожества, но главное, главное, главное!.. раболепные слуги существующего порядка, старорежимные бумагомаратели, сутенеры мертвой идеи, которые своим похабным зубоскальством норовят передать нам неизбывный запах трупа.

Байяр, повиснув на перилах:

– Какого трупа?

Фуко, перешагивая через ступеньки:

– Мертвой идеи!

И раздражается сардоническим хохотом. Байяр шарит по карманам плаща, ищет ручку и, пытаясь не сбавлять темп, просит:

– А можно Рамбо¹⁵ по буквам?

¹⁵ Во французских фамилиях, оканчивающихся на звук [о], возможны различия в написании окончания, в данном случае – Rambaud.

Комиссар заходит в книжный магазин, хочет купить книг, но дело это непривычное, и ему никак не сориентироваться среди стеллажей. Работ Реймона Пикара не найти. Похоже, продавец более или менее в теме: он на ходу сообщает, что Реймон Пикар умер, – Фуко сообщить об этом не соизволил, – но можно заказать его «Новую критику, или Новый обман»¹⁶. Зато есть «Хватит декодировать!» Рене Поммье¹⁷, ученика Реймона Пикара, ополчившегося против структуралистской критики (так продавец умудряется втюхать Байяру неходовое издание, от которого, впрочем, мало толку), но еще лучше – «Ролан-бартский для начинающих» Рамбо и Бюрнье¹⁸. Довольно тонкая книжка в зеленой обложке с фо-

¹⁶ Реймон Пикар (Raymond Picard, 1917–1975) – литератор, почетный профессор Сорбонны, специалист по творчеству Расина. «Новая критика, или Новый обман» – работа, в которой он выступает непримиримым противником «новой критики», – ответ на книгу Ролана Барта «О Расине», оперирующей формальными методами структурного анализа.

¹⁷ Рене Поммье (René Pommier, р. 1933) – литератор, профессор Сорбонны, активно критиковавший Барта в своих публикациях. Книга «Хватит декодировать!» («Assez décodé!») была отмечена премией Французской академии за лучшую критическую работу.

¹⁸ Мишель-Антуан Бюрнье (Michel-Antoine Burnier, 1942–2013) – известный французский журналист и литератор; Патрик Рамбо (Patrick Rambaud, р. 1946) – французский писатель, лауреат Гонкуровской премии и премии Французской академии за лучший роман; с 2008 г. – член Гонкуровской академии.

тографией сурового Барта в овальной рамке, на оранжевом фоне. Из рамки вылезает нарисованный человечек в стиле Крамба¹⁹ и произносит «хи-хи!»: вид ехидный, рот до ушей, прикрыт ладошкой. Кстати, проверил: оказалось, это действительно Крамб. Но Байяру ни о чем не говорит название «Приключения кота Фрица»²⁰ – мультика в духе шестьдесят восьмого, где вместо негров на саксофонах наяривают вороны, а главный герой – кот в водолажке, он курит косяки и трахает все, что движется, прямо в «кадиллаке» (привет Керуаку), на фоне уличных стычек и горящих мусорных баков. Впрочем, прославился Крамб манерой изображения женщин – плечистых, как грузчики, с мощными ляжками, снарядами-сиськами и задами, как у племенных кобылиц. Байяр мало знаком с эстетикой комиксов, для него картинка ни с чем не связывается. Однако книгу он покупает – и Поммье в придачу. Пикара не заказывает, поскольку мертвые авторы на этом этапе расследования его не интересуют.

Комиссар усаживается в кафе, берет кружку пива, закуривает «Житан»²¹ и открывает «Ролан-бартский для начинающих». (В каком кафе? Согласитесь, чтобы передать атмосферу, важны детали. Могу представить его в баре «Ле Сор-

¹⁹ Роберт Деннис Крамб (Robert Dennis Crumb, р. 1943) – художник-карикатурист американского происхождения, автор популярных комиксов, в том числе широко известной серии о приключениях кота Фрица.

²⁰ Мультфильм, созданный по мотивам комиксов Роберта Крамба.

²¹ «Gitanes» – популярная марка сигарет, выпускается с 1910 г.

бон» напротив «Ле Шампо», тесного зальчика, где крутят авторское кино, в конце рю дез Эколь, но если честно, мне без разницы, посадите его куда хотите.) Он читает:

Р. Б. (что на ролан-бартском означает «язык Ролана Барта») в своей архаичной форме возник двадцать пять лет назад, с выходом книги, получившей название «Нулевая степень письма». С тех пор он постепенно обособился от французского, дериватом которого отчасти является, и утвердился как самостоятельный язык с собственными грамматикой и словарным составом.

Байяр смолит сигарету, потягивает пиво, листает. В баре слышно, как официант объясняет посетителю, почему Франция погрязнет в гражданской войне, если выберут Миттеррана.

Урок первый: из разговорной речи.

1 – Как ты себя обозначаешь?

Французский: Как вас зовут?

2 – Я обозначаю себя Л.

Французский: Меня зовут Уильям.

Байяр замечает сатирический тон и понимает, что в принципе хорошо бы поймать общую волну с авторами этой пародии, но что-то его настораживает. Почему на Р. Б. «Уильям» – это «Л.»? Неясно. Долбаные мудрилы.

Официант – посетителю: «Когда к власти придут коммунисты, все толстосумы выведут свои бабки из Франции и

разместят где-нибудь еще – там, где не надо платить налоги и есть гарантия, что не отберут!»

Рамбо и Бюрнье:

3 – Какого рода стипуляция в твоём случае ограничивает, охватывает, организует, упорядочивает прагматическое, вуалируя твою экзистенцию и/или пользуясь ею?

Французский: Кто вы по профессии?

4 – (Я) выталкиваю миниатюрные коды.

Французский: Я машинистка.

Забавно, ничего не скажешь, – усмехается он про себя, но подсознательно чувствует, что по отношению к нему тут имеет место вербальный снобизм, и его это бесит. Хотя он прекрасно знает, что пишут такие книги не для него, а для всяких мудрил, высоколобых паразитов, чтобы они между собой посмеялись. Ерничать друг над другом – ах, как круто! Байяр не идиот: он, сам того не зная, уже повторяет Бурдьё²².

За стойкой продолжается ликбез: «Как только все деньги перетекут в Швейцарию, зарплату платить станет нечем, начнется гражданская война. И социал-коммунисты победят!» Официант прерывается, чтобы кого-то обслужить. Байяр продолжает читать:

5 – Мой дискурс обретает/реализует собственную

²² Пьер Бурдьё (Pierre Bourdieu, 1930–2002) – французский социолог, философ, изучавший проблему социальных иерархий; автор теории габитуса как системы установок, формирующихся в процессе социализации.

текстуальность через Р. Б. в зеркальных рефракциях ((ре) – фракциях).

Французский: Я свободно говорю на ролан-бартском.

Главное Байяр просек: язык Ролана Барта хрен поймешь. Но тогда зачем тратить время на чтение? И тем более писать о Барте книгу?

6 – Его «сублимация» (интеграция) в качестве моего кода (⊕) представляет «третичный разрыв» редупликации влечения, моего желания.

Французский: Я тоже хотел бы выучить этот язык.

7 – Не является ли Р. Б. как макрологическая система в своем роде «охраняемой зоной», формой замкнутого поля (по(ля)) по отношению к галльской интерпелляции?

Французский: Ролан-бартский не слишком сложен для француза?

8 – Бартовский стиль «опоясывает» определенный код, однако фиксируется в повторяемости/множественности.

Французский: Нет, он довольно прост. Но нужно потрудиться.

Час от часу не легче. Он даже не знает, кто его больше бесит: Барт или два эти клоуна, вздумавшие Барта пародировать. Он откладывает книгу, давит сигарету. Официант возвращается за стойку. Посетитель, держа бокал красного, спорит: «Да, но Миттеран остановит их на границе. Деньги кон-

фискуют». Официант в ответ хмурится и недовольно ворчит: «Думаете, богатые – идиоты? Они наймут опытных челноков. Организуют каналы, чтобы сплавить наличку. Перейдут Альпы и Пиренеи, как Ганнибал! Как во время войны! Если евреев можно переправить, то капусту тем более, вам не кажется?» Похоже, посетителю так не кажется, но, видимо, ответить ему нечего, и он просто качает головой, опустошает бокал и просит еще. Официант, почувствовав себя на коне, достает початую бутылку красного: «Да-да, а вы как думали! Мне-то плевать, победят коммуняки – я свалю, подамся на заработки в Женеву. Моих бабок им не видать, еще чего, ни за что на свете, я на красных не работаю – вы еще меня плохо знаете! Я ни на кого не работаю! Я свободный человек! Как де Голль!..»

Байяр пытается вспомнить, кто такой Ганнибал, и непроизвольно замечает, что на левом мизинце официанта не хватает фаланги. Он прерывает оратора и заказывает еще пива, затем открывает книгу Рене Поммье, насчитывает семнадцать повторов слова «чушь» на четырех страницах, закрывает. Официант между тем сменил тему: «Ни одно цивилизованное общество не может обойтись без смертной казни!..» Байяр расплачивается и уходит, оставив сдачу.

Он, не глядя, минует статую Монтеня, пересекает рю дез Эколь и входит в здание Сорбонны. Комиссар понимает, что ничего не понимает в этих глупостях... ну или почти ничего. Вот бы кто-нибудь ему все растолковал – специалист, пере-

водчик, медиатор, наставник. Препод, в общем. В Сорбонне он спрашивает, где находится кафедра семиологии. Дежурная, поджав губы, отвечает, что такой здесь нет. Во дворе он обращается к студентам в темно-синих куртках и матросских ботинках, чтобы ему показали, где можно попри-сутствовать на лекции по семиологии. Большинство о таком без понятия или где-то «слышали звон». Наконец косматый недоросль, который дымит косяком под статуей Луи Пастера, сообщает, что за «сёмой» надо ехать в Венсен²³. Байяр не знаток университетской среды, но ему известно, что Венсен – левацкий факультет, кишачий профессиональными подзуживателями, которые не желают работать. Из любопытства он спрашивает юнца, почему тот сам туда не пошел. На парне широкий свитер с воротником по горлу, черные брюки, закатанные, словно он собрался за мидиями, и высокие фиолетовые «док мартенсы»²⁴. Он пыхает косяком и отвечает: «Я был там до второго курса. Но входил в троцкистскую группу». Объяснение кажется ему исчерпывающим, однако вопросительный взгляд Байяра подсказывает, что это не так, и он добавляет: «Ну, в общем... возникли проблемы».

Байяр больше не допытывается. Он снова садится в свой 504-й и отправляется в Венсен. Остановившись на светофо-

²³ Имеется в виду отделенный в 1969 г. от Сорбонны и размещавшийся тогда в Венсене, пригороде Парижа, экспериментальный центр, ставший затем университетом Париж VIII.

²⁴ От Doc Martens (Dr. Martens) – ставшая культовой британская марка обуви в армейском стиле.

ре, комиссар замечает черный DS и думает: «Вот это авто... легенда!...»

504-й выезжает на кольцевую возле Порт де Берси, съезжает у Порт де Венсен, катит по бесконечно длинной авеню де Пари, мимо военного госпиталя, не уступает дорогу блистающему новизной синему «Рено-Фуэго», в котором сидят японцы, огибают замок, проскакивает Парк Флораль, углубляется в лесную зону и паркуется перед смахивающим на барак сооружением – вроде гигантского коллежа, какие строили в спальнях районах в семидесятые: едва ли не худший образчик архитектуры, на который способно человечество. Байяр помнит далекие годы на факультете права в Assas²⁵ и чувствует себя не в своей тарелке: чтобы попасть к учебным аудиториям, ему надо пробраться через настоящий базар, наводненный африканцами, перешагивая через отключившихся прямо на асфальте торчков; пройти мимо пересохшего фонтана, заваленного мусором, и вдоль обшарпанных стен, облепленных плакатами и покрытых граффити, среди которых можно прочесть: «Профессора, студенты, администрация, персонал: сдохните, суки!»; «Нет закрытию продовольственного рынка»; «Нет переезду из Венсена в Ножан»; «Нет переезду из Венсена в Марн-ла-Валле»; «Нет переезду из Венсена в Савиньи-сюр-Орж»; «Нет переезду из Венсена в Сен-Дени»; «Да здравствует пролетарская

²⁵ Университет Пантеон-Ассас, бывший факультет права Сорбонны.

революция»; «Да здравствует иранская революция»; «маоисты = фашисты»; «троцкисты = сталинисты»; «Лакан = левый»; «Бадью = нацист»; «Альтюссер = убийца»; «Делез = пошел нахер»; «Сиксу = трахни меня»; «Фуко = падла Хомейни»; «Барт = прокитайский социал-предатель»; «Калликл²⁶ = эсэсовец»; «Запрещено запрещать запрещать»²⁷; «Левое единство = в жопу»; «Заходи ко мне на хазу, почитаем „Капитал“!» с подписью «Балибар»²⁸... Провонявшие марихуаной студенты агрессивно напирают, тоннами суют листовки: «Товарищ, ты знаешь, что творится в Чили? А в Сальвадоре? Тебя беспокоит Аргентина? А Мозамбик? Насрать на Мозамбик? Ты хоть знаешь, где это? Рассказать о Тиморе? А еще мы тут средства собираем на борьбу с неграмотностью в Никарагуа. Купишь мне кофе?» Здесь ему все понятнее. Он был членом «Молодой нации»²⁹ и успел тогда начистить рыл этим грязным левакам. Он швыряет листовки в пересохший фонтан, ставший помойкой.

На кафедре «проблем культуры и коммуникаций» Байяр попадает по наитию. Он пробегает по списку о. д. («обяза-

²⁶ Имеется в виду Калликл (V в. до н. э.) – древнегреческий софист, поддерживавший идею естественности господства сильных над слабыми.

²⁷ «Запрещено запрещать» – лозунг участников протестных акций 1968 г. во Франции.

²⁸ Этьен Балибар (Étienne Balibar, р. 1942) – французский философ, специалист в области политической философии.

²⁹ «Молодая нация» – неофашистская организация, образовавшаяся в конце 1950-х гг.

тельных дисциплин»), вывешенному в коридоре на пробковой доске, и в конце концов находит примерно то, что искал: «Семиология образа», номер аудитории, расписание на неделю и имя препода – некто Симон Херцог.

«Сегодня мы поговорим о цифрах и буквах в бондиане. Когда вы вспоминаете Джеймса Бонда, какая буква приходит вам в голову?» В аудитории молчание, студенты думают. Кого-кого, а Джеймса Бонда сидящий в последнем ряду Жак Байяр знает. «Как зовут шефа Джеймса Бонда?» Байяр знает! И ловит себя на том, что готов выкрикнуть ответ, но его опережает целая ватага студентов, одновременно ответивших: М. «Что за М., почему М.? Что это означает?» Пауза. Ответа нет. «М. – мужчина в возрасте, но это женская фигура, М. как Mother, мать-кормилица, которая питает и оберегает, сердится, когда Бонд бедокурит, но в конечном счете всегда к нему снисходительна, и Бонд, выполняя задания, хочет, чтобы она осталась довольна. Джеймс Бонд привык действовать, но он не франтирер, не одиночка, не сирота (то есть на личном, биографическом уровне – да, но на символическом – нет: его мать – Англия; он не супруг отчизны, он ее любимый сын). За ним – иерархическая система, материально-техническое обеспечение, целая страна, которая поручает ему невыполнимые задания, а он, к ее большой гордости, их выполняет (М. как метонимическое олицетворение Англии, представитель королевы регулярно напоминает, что Бонд – лучший агент Ее Величества, то есть любимый сын); и страна обеспечивает его всеми материальными средствами

для их выполнения. По сути, он всегда умудряется и рыбку съесть, и в пруд не лезть, не случайно этот образ так популярен, это мощнейший современный миф: Джеймс Бонд – авантюрист на госслужбе. Принцип: действовать наверняка. Он обходит правила, совершает проступки и даже правонарушения, но его покрывают, ему все можно, его не будут ругать, у него пресловутая „лицензия на убийство“, license to kill, право убивать, подкрепленное его номером – вспоминаем три магические цифры: 007.

Два ноля – шифр права на убийство, и здесь мы видим потрясающий пример проявления числовой символики. Каким числом выразить право на убийство? Десять? Двадцать? Сто? Миллион? Смерть неисчислима. Она ничто, а ничто – это ноль. Но убийство – больше, чем просто смерть, это смерть, „причиненная“ другому. Смерть, помноженная на два: своя собственная, неизбежная, вероятность которой возрастает в силу опасной профессии (считается, что агенты „два ноля“ долго не живут – об этом нам часто напоминают), и чужая. Два ноля – это право убивать и быть убитым. Что касается семерки, то она явно выбрана потому, что ее традиционно называют одной из самых изящных цифр, магическим числом со своей историей и символикой, но в нашем случае она отвечает двум критериям: это, конечно же, нечетное число, как количество роз, которое дарят женщине, и простое (простое число делится только на единицу и само на себя) – чтобы передать сингулярность, единственность,

индивидуальность и преодолеть впечатление заменимости, безличности, обусловленное номером как таковым. Помните сериал „Заклученный“³⁰, где главного персонажа зовут Шестой, и он с отчаянием и гневом повторяет: „Я не номер!“ Джеймс Бонд прекрасно сжился со своим номером, тем более что этот номер принес ему неслыханные привилегии и сделал из него аристократа (как и положено на службе Ее Величества). 007 – антипод Шестого: он доволен сугубо элитарной ролью, отведенной ему обществом, и не щадит себя во имя сохранения установленного порядка, никогда не задумываясь о характере и побудительных мотивах врага. Насколько Шестой – бунтарь, революционер, настолько консервативен 007. Реакционер с цифрой 7 противостоит здесь революционеру Шестому, а поскольку в значении слова „реакционер“ заложена апостериорная идея (консерваторы „реагируют“ на революцию и принимаются действовать ради возвращения старого режима, то есть установленного порядка), логично, что реакционное число следует за революционным (иначе говоря, Джеймс Бонд – не 005). Собственно 007 и должен обеспечить возврат к порядку в королевстве, нарушенному опасностью, пошатнувшей порядок мировой. Кстати, конец каждой истории всегда совпадает с возвращением к „норме“, следует понимать – „к старому режиму“. Умберто Эко считает Джеймса Бонда фашистом. Но, в сущности, нам хорошо видно, что он прежде всего реакционер...»

³⁰ «The Prisoner» – британский сериал, снятый в 1967 г.

Студент тянет руку: «Но есть еще Q., который отвечает за технические прибабасы. Эта буква тоже что-нибудь означает?»

Препоод сориентировался мгновенно, чем немало удивил Байяра:

«Q. олицетворяет отеческое начало, ведь это он вооружает Бонда и учит, как пользоваться своими приспособлениями. Передает ему знания. В связи с этим его следовало бы назвать F., как Father... Но если внимательно посмотреть сцены с участием Q., что вы увидите? Джеймс Бонд отвлекается, ведет себя бесцеремонно, паясничает, не слушает (или делает вид). А в конце Q. всегда уточняет: „Questions?“³¹ (или как-нибудь иначе: „Все ли понятно?“). Но у Джеймса Бонда вопросов не бывает; это он только с виду разгильдяй, а объяснение усвоил на отлично, соображает как никто. Так что Q. – это questions; вопросы, которых Q. требует и которые Бонд не задает или обращает их в шутку и никогда не спрашивает о том, чего ожидает Q.».

Голос подает еще один студент: «Q. по-английски произносится как „кью“, похоже на французское queue, „очередь“. Поход в магазин: мы стоим в очереди, ждем, когда нас обслужат, – это пауза, развлекательная пауза между двумя эпизодами экшена».

Молодой препода с энтузиазмом взмахивает рукой: «Именно! Удачно подмечено! Хорошая мысль! Помните, что одной

³¹ «Вопросы?» (англ.)

трактовкой знак не исчерпывается, полисемия – бездонный колодец, из которого до нас долетает непрерывное эхо: слово неисчерпаемо. Даже буква, если на то пошло».

Смотрит на часы. «Спасибо за внимание. В следующий вторник поговорим о том, как одевается Джеймс Бонд. Жду вас, естественно, в смокингах, господа. (Смешки в аудитории.) А девушек в бикини а-ля Урсула Андресс. (Девушки свистят и пытаются возмущаться.) До следующей недели!»

Пока студенты покидают аудиторию, Байяр подходит к молодому преподу с вкрадчивой улыбкой, которую тот не может истолковать, но в ней читается: «Ты-то мне за все и заплатишь».

– Чтобы внести ясность, комиссар: я не специалист по Барту и семиологии как таковой. У меня диплом по современной литературе – исторический роман, пишу диссертацию по лингвистике, о речевых актах, и курирую практические занятия. В этом семестре веду спецкурс по семиологии образа, а в прошлом году отвечал за введение в семиологию. Первокурсники писали по этому предмету работу; я изложил им основы лингвистики, поскольку она составляет базис семиологии, говорил о Соссюре, Якобсоне, немного об Остине³² и Сёрле³³, но в основном мы занимались Бартом: это доступнее, и потом, он часто рассматривал явления массовой культуры, которые больше привлекут студентов, чем, скажем, его же работы по Расину или Шатобриану, ведь здесь учатся специалисты по коммуникациям, а не по литературе. Обращаясь к Барту, можно было часами обсуждать гамбургеры, последнюю модель «ситроена», Джеймса Бонда – в таком подходе к анализу гораздо больше игры, но он отчасти

³² Джон Лэнгшо Остин (John Langshaw Austin, 1911–1960) – британский философ, занимался вопросами философии обыденного языка и теории речевого акта.

³³ Джон Роджерс Сёрл (John Rogers Searle, р. 1932) – американский философ, последователь Остина, в 1960–1970-е гг. продолживший развитие теории речевых актов. В дальнейшем занимался вопросами философии искусственного интеллекта.

и определяет семиологию: это дисциплина, в которой принципы литературной критики применяются к предметам, не имеющим отношения к литературе.

– Он не умер.

– То есть?

– Вы сказали «можно было» – вы говорите в прошедшем времени, словно теперь это невозможно.

– Да нет, я не это имел в виду...

Симон Херцог и Жак Байяр идут по факультетскому коридору. Молодой преподаватель одной рукой тащит портфель, другой удерживает громоздкую кипу ксерокопий. Мотаёт головой, когда попавшийся навстречу студент пытается всучить ему какой-то флаер; студент обзывает его фашистом, Херцог отвечает виноватой улыбкой и оправдывается перед Байяром:

– Вообще-то, даже если бы он умер, его научные методы по-прежнему были бы применимы...

– С чего вы взяли, что он может умереть? Я не сообщал вам, опасно ли его состояние.

– Ну, хм... подозреваю, что не каждое дорожное происшествие поручают расследовать комиссару, и отсюда делаю вывод, что ситуация серьезная, а обстоятельства неясны.

– Обстоятельства довольно ясны, а состояние пострадавшего почти не внушает опасений.

– Да? Ну что ж, я очень рад, комиссар...

– Я не говорил, что я комиссар.

– Вот как? Я решил, что Барт достаточно знаменит, и по-

этому прислали комиссара...

– Я о нем до вчерашнего дня не слышал.

Молодой диссертант замолкает, осекшись, Байяр доволен. Студентка в босоножках и носках протягивает ему флаер, на котором написано: «В ожидании Годара, пьеса в одном действии». Он запихивает флаер в карман и спрашивает Симона Херцога:

– Что вы знаете о семиологии?

– Ну, скажем – это наука, изучающая жизнь знаков в рамках жизни общества...

Байяр вспоминает «Ролан-бартский для начинающих». Стискивает зубы.

– А человеческим языком?

– Но... это определение де Соссюра...

– Этот Дососюр знает Барта?

– О... нет, он умер, это основоположник семиологии.

– А, ясно.

Ни черта Байяру не ясно. Они проходят через кафетерий. Заведение похоже на разграбленный склад, здесь все пропахло сосисками, блинами и травкой. На один из столов влез здоровый расхлябанный тип в лиловых сапогах из кожи ящерицы. Во рту бычок, в руке пиво, вешает что-то на уши молодняку, а те рты поразевали. Своего кабинета у Симона Херцога нет, он предлагает Байяру присесть и машинально протягивает сигарету. Байяр отказывается, достает свой «Житан» и продолжает:

– Для чего именно нужна эта... наука?

– Ну, э... чтобы понимать действительность...

У Байяра едва заметно играют желваки.

– То есть?

Молодой диссертант на мгновение задумывается. Оценивает явно ограниченную способность собеседника к абстрактному восприятию, корректируя свой ответ, иначе ходить им кругами не один час.

– Вообще это просто: нас окружает масса вещей, которым есть, э... практическое применение. Понимаете?

Собеседник злобно молчит. На другом конце зала тип в лиловых сапогах рассказывает юным адептам, какой был хип-пеп в шестьдесят восьмом, – в его изложении картина напоминает нечто среднее между «Безумным Максом» и Вудстоком. Симон Херцог старается максимально упрощать:

– Стул – чтобы сидеть, стол – чтобы за ним есть, кабинет – чтобы работать, одежда – чтобы не замерзнуть, et cetera. Понятно?

Мертвая тишина. Поехали дальше:

– Только помимо утилитар... кроме практической пользы, эти предметы наделены и символическим значением... как если бы у них был дар речи: они о чем-то нам сообщают. Например, стул, на котором вы сидите, своим фуфлыжным дизайном, крашеной фанерой и ржавым каркасом сообщает, что мы находимся в среде, где плевать на комфорт, эстетику и нет денег. Вдобавок к этому тошнотный букет столовских

запахов и конопли подтверждает, что мы в университетском учреждении. Точно так же ваша манера одеваться указывает на профессию: костюм выдает административного служащего, но он дешевый, а значит, зарплата у вас невелика и/или нет желания выделяться внешне, то есть в вашем деле показуха совсем или почти не нужна. Обувь у вас сношенная, хотя приехали вы на машине, это означает, что на работе вы не сидите на месте, а передвигаетесь. Служащий, который много передвигается, с большой вероятностью имеет отношение к профессиональным расследованиям.

– А, ясно, – отзывается Байяр. (Долгая пауза, во время которой Симон Херцог слышит обращенный к зачарованным слушателям рассказ типа в лиловых сапогах о том, как он, будучи предводителем «Вооруженной фракции спинозистов», отметелил «Молодых гегельянцев».) – То есть так я могу ориентироваться: при входе есть табличка «Университет Венсен-Париж 8». А еще на удостоверении с триколором, которое я вам показал, когда подошел после лекции, большими буквами написано «ПОЛИЦИЯ», но я все равно не понимаю, к чему вы клоните.

Симон Херцог начинает покрываться испариной. Разговор будит болезненные воспоминания об устных экзаменах. Не паниковать, сосредоточиться, не заикливаться на секундах, отсчитываемых в тишине, не обращать внимания на притворно-благодарный вид садиста-экзаменатора, который тихо кайфует от формального превосходства, видя, как

кто-то мучается из-за него, ведь и ему в прошлом пришлось помучиться. Молодой диссертант начинает быстро соображать, внимательно разглядывает сидящего перед ним субъекта, обдумывает ответ последовательно, шаг за шагом, как учили, и, когда чувствует, что готов, выжидает еще пару секунд, а затем выдает:

– Вы участвовали в Алжирской войне, дважды были женаты, со второй женой вместе не живете, у вас есть дочь, которой лет двадцать, не меньше, отношения у вас плохие, на последних президентских выборах в обоих турах вы голосовали за Жискара и снова проголосуете через год, вы потеряли напарника, находясь при исполнении, и, возможно, это случилось по вашей вине, по крайней мере, вы вините себя, или это бередит вам душу, но начальство сочло, что вашей личной ответственности здесь нет. Вы ходили в кино смотреть последнего Джеймса Бонда, но вам больше нравится старый добрый Мегре по телику или фильмы с Лино Вентурой.

Долгая-долгая пауза. На другом конце зала новоявленный Спиноза под одобрительное улюлюканье рассказывает, как вместе со своей бандой разогнал группу «Розовый Фурье». Байяр чуть слышно шепчет:

– Как вы это узнали?

– Да элементарно! – Снова молчание, но на этот раз у молодого препода все под контролем. Байяр и бровью не ведет, только слегка подрагивают пальцы правой руки. Чувак в лиловых сапогах выдает а капелла что-то из «The Rolling

Stones». – Когда вы подошли ко мне после лекции, только что, вы машинально встали так, чтобы не поворачиваться спиной ни к двери, ни к окну. Такому учат не в школе полиции, а в армии. У вас это вошло в привычку, значит, ваш армейский опыт не ограничивается обычной службой и не прошел бесследно, подсознательные навыки сохранились. То есть вы могли участвовать в военных действиях, но не в Индокитае – возраст еще не тот, так что, думаю, вас отправили в Алжир. Вы служите в полиции и, очевидно, сочувствуете правым, что подтверждает принципиальная враждебность к студентам и интеллектуалам (это было заметно с самого начала), а как ветеран Алжира вы сочли предательством объявленную де Голлем независимость и, следовательно, не стали голосовать за Шабана, голлистского кандидата, однако вы слишком рассудительны (профессия обязывает), чтобы поддержать кандидата вроде Ле Пена, – пустое место, без шансов попасть во второй тур, – а потому ваш голос, естественно, достался Жискару. Пришли вы сюда один, что противоречит правилам французской полиции, в рядах которой предписано перемещаться как минимум вдвоем, значит, добились особого положения, привилегии, получить которую можно только на очень веских основаниях, как, например, потеря напарника. Травма так болезненна, что вы и слышать не желаете о замене, и начальство позволило вам работать в одиночку. Так что вы можете почувствовать себя Мегре – судя по вашему плащу, вы ему подражаете, вольно или неволь-

но (комиссар Мулен³⁴ в своей кожанке, разумеется, слишком молод, чтобы вы себя с ним отождествляли, ну а... м-да... одеваться, как Джеймс Бонд, вам не по карману). Вы носите обручальное кольцо на правой руке, но след от кольца есть и на левом безымянном пальце. Очевидно, вам хотелось уйти от ощущения, будто все повторяется, и, женившись снова, вы поменяли руку, чтобы, так сказать, обмануть судьбу. Но, похоже, этого оказалось недостаточно, поскольку мятая с самого утра рубашка свидетельствует о том, что гладить у вас дома некому; иначе, следуя мелкобуржуазной модели, характерной для вашей социокультурной среды, жена, живи она еще с вами, не позволила бы вам выйти в неглаженной одежде.

Кажется, молчание будет тянуться вечность.

– А моя дочь?

Притворно смутившись, диссертант делает неопределенный жест рукой:

– Долго объяснять.

На самом деле он просто увлекся. И решил, что дочь хорошо вписывается.

– Ладно, идемте.

– Что? Куда? Вы меня арестуете?

– Вы мне нужны. В отличие от других косматиков, вы, похоже, что-то соображаете, а мне нужен переводчик всего этого дебилизма.

³⁴ Главный герой популярного детективного сериала, вышедшего с 1976 г.

– Но... нет, извините, это невозможно! Мне нужно готовиться к завтрашнему занятию, писать диссертацию, а еще вернуть книгу в библиотеку...

– Слушай, ты, говнюк, ты пойдешь со мной, понял?

– Но... куда?

– Допрашивать подозреваемых.

– Подозреваемых? Я думал, это несчастный случай!

– В смысле – свидетелей. Пошли.

Сборище желторотых фанов вокруг типа в лиловых сапогах скандирует: «Спиноза вздрючил Гегеля! Спиноза вздрючил Гегеля! Диалектику в жопу!» У выхода Байяр и его новый напарник пропускают отряд маоистов, собравшихся, по видимому, отутюжить этого Спинозу с криками «Бадью за нас!».

Ролан Барт жил на рю Сервандони, возле церкви Сен-Сюльпис, в двух шагах от Люксембургского сада. Припаркуюсь там, где, сдаётся мне, припарковал свой 504-й Байяр, – у входа в дом номер 11. Лучше избавлю вас от ставшего теперь непременно копипаста из Википедии: частный особняк, построенный по проекту такого-то итальянского архитектора на средства такого-то бретонского епископа...

Красивое буржуазное здание, добротный белый камень, широкие ворота с чугунной решеткой. Перед воротами возится мастер из компании «Венси»³⁵ – устанавливает кодовый замок. («Венси» – тогда еще не «Венси» и входит в CGE, «Компани Женераль д’Электрисите», будущий «Алкатель», но этого Симон Херцог знать не может.) Надо пересечь двор и подняться по лестнице *B* – справа, сразу за комнатой консьержки. Семья Барта владела двумя квартирами, на втором и пятом этажах, и спаренными каморками, бывшими комнатами для прислуги, на шестом. Байяр просит у консьержки ключи. Симон Херцог спрашивает Байяра, что они будут искать, Байяр понятия не имеет, они поднимаются по лестнице, лифта нет.

Квартира на втором этаже оформлена старомодно, есть

³⁵ «Vinci» – французская строительная компания; ныне – крупный игрок на международном рынке. Под этим названием существует с 2000 г.

деревянные часы, все расставлено по местам, очень чисто – в том числе в комнате, где обустроен кабинет, у постели – транзистор и томик «Замогильных записок»³⁶, но Барт чаще работал у себя в каморке, на шестом.

В квартире на пятом двух гостей встречают младший брат Барта и его жена: арабка – определяет Байяр, красивая – отмечает Симон; она, конечно же, предлагает им чаю. Младший брат сообщает, что квартиры на втором и на пятом одинаковые. Одно время Барт с матерью и младшим братом жили на пятом, но когда мать заболела, ей стало тяжело преодолеть столько этажей, а квартира на втором как раз освободилась, Барт купил ее, и они вдвоем поселились там. Ролан Барт общался со многими людьми, часто куда-нибудь ходил, особенно после смерти мамы, но брат говорит, что не знает его знакомых. Известно ему только, что он часто бывал во «Флоре», где назначал встречи коллегам или сидел в компании друзей.

На шестом – две обычные каморки, смежные, их соединили, чтобы получилась небольшая двухкомнатная квартира. Там есть бюро, а точнее – столешница на специальных опорах, железная кровать, выделен угол под кухню, на холодильнике – японский чай, всюду книги, кофейные чашки, соседствующие с полузаполненными пепельницами; здесь все более старое и заляпанное, больше беспорядка, зато есть

³⁶ Автобиографическая книга Франсуа Рене де Шатобриана, по замыслу автора опубликованная после его смерти.

фортепьяно, проигрыватель, пластинки с классической музыкой (Шуман, Шуберт) и коробки из-под обуви с карточками, ключами, перчатками, открытками, вырезанными откуда-то статьями.

Вмонтированный люк позволяет попасть в квартиру на пятом этаже в обход лестничной площадки.

На стене Симон Херцог узнает странные снимки из «Camera Lucida», последней, только что вышедшей книги Барта, и среди них – пожелтевшую фотографию маленькой девочки в зимнем саду, обожаемой мамы.

Байяр просит Симона Херцога взглянуть на карточки и библиотеку. Как все книгочеи мира, попав в чужой дом, зачем бы они ни пришли, диссертант с интересом разглядывает выставленные тома: Пруст, Паскаль, де Сад, еще Шатобриан, современников мало, разве что несколько изданий Соллерса, Кристевой и Роб-Грийе, зато есть словари, критика – Тодоров, Женетт³⁷, лингвистические исследования – Соссюр, Остин, Сёрл... В пишущую машинку на рабочем столе заправлен лист. Симон Херцог прочитывает заглавие: «Мы не умеем говорить о том, что любим». И по диагонали просматривает текст: о Стендале. Волнующая картина: Барт сидит за столом, размышляя о Стендале, о любви, об Италии и не подозревая, что каждый час, пока он печатает статью, приближает его к тому мигу, когда его собьет грузовик пра-

³⁷ Жерар Женетт (G rard Genette, 1930–2018) – французский литературовед, последователь структурализма.

чечной.

Рядом с пишущей машинкой – «Очерки по общему языкознанию» Якобсона³⁸, вложенная закладка впечатляет Симона Херцога, как будто это остановившиеся часы на запястье жертвы: вот, оказывается, чем были заняты мысли Барта, когда его сбил грузовик. Он как раз перечитывал главу о функциях языка. В качестве закладки Барт использовал сложенный вчетверо лист бумаги. Симон Херцог раскрывает его: какие-то пометки, сделанные убористым почерком, расшифровать их диссертант не пытается, складывает лист, не читая, и аккуратно водворяет на прежнее место, чтобы Барт, вернувшись домой, отыскал нужную страницу.

У края стола – несколько вскрытых писем, много невскрытых и еще листки, испещренные тем же убористым почерком, номера «Нувель Обсерватер», газетные заметки и фотографии, вырезанные из журналов. Окурки сложены штабелями, словно дрова. Симон Херцог чувствует, как его охватывает грусть. Пока Байяр шарит под компактной железной кроватью, он, наклонившись, выглядывает в окно. Замечает внизу черный DS, припаркованный вторым рядом, и улыбается: это знак, DS, «богиня» – символ, объект самого известного эссе из «Мифологий» Барта, эту машину он выбрал для обложки своего знаменитого сборника. Слышно эхо: мастер из «Венси» стучит по штихелю, выдалбливая в

³⁸ Jakobson R. Essais de linguistique générale: 2 t. T. 1 – 1963; T. 2 – 1973. Paris: Éditions de Minuit.

камне выемку, в которую ляжет металлический корпус будущего кодового замка. Небо прояснело. Вдоль линии горизонта, в промежутках между зданиями, он различает деревья Люксембургского сада.

От созерцания его отвлекает Байяр, который кладет на стол стопку журналов, найденных под кроватью, и это не старые номера «Нувель Обсерватер». «Этот мудрила любил пипки!» – злорадно бросает он. Препод видит перед собой веер обложек с обнаженными мужчинами, молодыми, мускулистыми, они принимают различные позы и дерзко глядят на него. Не знаю, было ли тогда известно о гомосексуальности Барта. Работая над «Фрагментами любовной речи», своим бестселлером, он старательно избегал указания пола, описывая объект любви, и ухитрился сохранить нейтральность формулировок: «партнер» или «другой» (по правилам грамматики, они как бы случайно требуют местоимения мужского рода, которое во французском языке может быть нейтральным). Я знаю, что в отличие от Фуко, с определенным вызовом афишировавшего, что он гомосексуалист, Барт об этом молчал – возможно, стыдился или, во всяком случае, старался соблюсти приличия, хотя бы до смерти матери. Кстати, Фуко это не одобрял и, думаю, отчасти его презирал. Но мне неизвестно, ходили ли слухи в обществе или в университетских кругах, знал ли об этом каждый первый... Как бы то ни было, если Симон Херцог и слышал о гомосексуальности Барта, на этом этапе расследования он не счел

нужным делиться информацией с комиссаром Байяром.

Когда Байяр, ухмыляясь, раскрывает разворот журнала «Голубые дали»³⁹, звонит телефон. Он тут же перестает ухмыляться. Кладет журнал обратно на стол, даже не подумав закрыть, и стоит неподвижно. Смотрит на Симона Херцога, который смотрит на него, со снимка на них смотрит прекрасный эфеб, держась за собственный член, а телефон продолжает надрываться. Байяр пропускает еще несколько звонков и молча снимает трубку. Симон смотрит, комиссар несколько долгих секунд молчит. Слышно, что на другом конце провода тоже молчат, и Симон непроизвольно задерживает дыхание. Когда Байяр все-таки произносит «алло», на той стороне раздается щелчок и короткие «пи-пи-пи» – связь прервалась. Байяр озадаченно кладет трубку. «Ошиблись номером?» – задает дурацкий вопрос Симон Херцог. С улицы через открытое окно слышен шум мотора отъезжающей машины. Байяр забирает порножурналы, посетители вместе выходят из комнаты. «Надо было закрыть окно. Будет дождь», – думает Симон Херцог. «Долбаные мудрилы-педрилы», – думает Жак Байяр.

Они звонят к консьержке, чтобы отдать ключи, но никто не отвечает. Рабочий, которому поручено установить кодовый замок, готов взять связку и передать консьержке, когда

³⁹ «Gai pied» – известный французский журнал, ориентированный на гомосексуальную аудиторию и издававшийся с 1979 г. Оригинальное название, построенное на игре слов (буквальный перевод: «Веселая нога» или «Гейская лафа»), придумано Мишелем Фуко.

она вернется, но Байяр решает, что лучше снова подняться и оставить все брату.

Когда он спускается, Симон Херцог курит с рабочим, решившим сделать перерыв. На улице Байяр не садится в свой 504-й.

– Куда мы? – спрашивает Симон Херцог.

– В кафе «Флора», – отвечает Байяр.

– Вы обратили внимание на типа, который ставил замок? – говорит Симон. – У него вроде славянский акцент?

– Он не водила, так что мне плевать, – бурчит Байяр.

Переходя через площадь Сен-Сюльпис, они видят синий «Фуэго», и Байяр с видом знатока сообщает Симону:

– Это новый «рено», его только выпустили.

В голове Симона Херцога сама по себе рождается мысль: рабочие, собравшие эту машину, не смогли бы позволить ее себе даже вдесятером, и, погрязнув в марксистских идеях, он не обращает внимания на двух японцев в салоне.

Во «Флоре» рядом с хрупкой белокурой дамочкой сидит субъект с глазами в кучку под толстыми стеклами очков, тщедушного вида – Байяр уже где-то видел эту лягушачью физиономию, но сегодня им не до этого. Комиссар высматривает парней моложе тридцати: с ними и будет разговор. Большинство – жиголо, окучивающие поляну в этой части города. Знают ли они Барта? Кто его не знает! Байяр опрашивает их по одному, пока Симон Херцог осторожно наблюдает за Сартром: что-то совсем расклеился, все время кашляет, когда затягивается. Франсуаза Саган заботливо похлопывает его по спине. Последним Барта видел молодой марокканец: у великого критика были какие-то разговоры с одним новым чуваком, имя неизвестно, они вместе ушли на днях, но чем занимались, куда отправились и где его хата, марокканец тоже без понятия, зато знает, где его сегодня можно найти: в парильнях Дидро, это где Лионский вокзал. «В парильнях?» – удивляется Симон Херцог, но тут появляется какой-то бесноватый в шарфе, бросая реплики в никуда: «Видели эти рожи? Недолго им осталось! Вот честно: буржуа должен править или сдохнуть! Пейте! Хлебайте фернет⁴⁰ за здоровье нации! Наслаждайтесь! Вперед! Чтоб вам сдохнуть! Да здравствует Бокасса!» Разговоры местами обрыва-

⁴⁰ Горький травяной ликер.

ются, завсегда таи хмуро поглядывают на визитера, для туристов происходящее – развлечение, они толком не понимают, что происходит, а обслуга продолжает обслуживать, как ни в чем не бывало. Рука обводит зал в нарочито театральном жесте, и, обращаясь к воображаемому собеседнику, пророк торжествующе восклицает: «Не беги, товарищ, старый мир – он перед тобой!»

Байяр спрашивает, что это за фрукт; жиголо отвечает, что это Жан-Эдерн Алье⁴¹, эдакий писатель-аристократ, известный дебошир, а еще он говорит, что станет министром, если через год победит Миттеран. Комиссар Байяр фиксирует взглядом рот в виде перевернутой буквы V, яркие голубые глаза, прононс, типичный для аристократов и солидных буржуа, – на грани картавости. И продолжает допрос: тот новенький, что он собой представляет? Молодой марокканец описывает араба – у него южный акцент, в ухе небольшая серьга, челка падает на лицо. Жан-Эдерн сумбурно и по-прежнему во всю глотку превозносит достоинства экологии, достоинства эвтаназии, независимые радиостанции и «Метаморфозы» Овидия. Симон Херцог смотрит на Сартра, который смотрит на Жан-Эдерна. Тот, заметив Сартра, вздрагивает. Сартр смотрит на него пристально и задумчиво.

⁴¹ Жан-Эдерн Алье (Jean-Edern Hallier, 1936–1997) – французский литератор, памфлетист, литературный критик; выходец из состоятельной семьи, сын военного атташе Франции в Венгрии. Отличался радикальностью взглядов и своеобразием, в 1970-х гг. и позднее был замешан в ряде скандалов, получивших общественный и политический резонанс.

Франсуаза Саган что-то шепчет Сартру на ухо, как переводчица-синхронистка. Жан-Эдерн прищуривается, отчего еще больше походит на куницу в густых буклях, на несколько секунд замолкает, словно что-то прокручивает в уме, а затем декламирует дальше: «Экзистенциализм – это ботулизм! Да здравствует третий пол!⁴² И четвертый да здравствует! Не огорчайте Академию!» Байяр говорит Симону Херцогу, что ему придется поехать с ним в парильни Дидро и помочь в поисках этого безвестного жиголо. Жан-Эдерн Алье встает перед Сартром, вскидывает вверх руку, распрямив при этом ладонь, и вопит, хлопнув задниками мокасин: «Хайль Аль-тюдссер!» Симон Херцог упирается: его присутствие не обязательно. Сартр покашливает и снова закуривает «Житан». Байяр говорит, что такой умный крендель, наоборот, очень полезен в поисках подозреваемого. Жан-Эдерн поет что-то непристойное на мотив «Интернационала». Симон Херцог отвечает, что время позднее и ему негде купить плавки. Байяр усмехается: плавки там не нужны. Сартр раскрывает номер «Ле Монд» и начинает решать кроссворд. (Он почти слеп, Франсуаза Саган читает ему вопросы.) Жан-Эдерн что-то замечает на улице и бросается прочь с криками: «Современность! Срать мне на тебя!» Уже семь, стемнело. Комиссар Байяр и Симон Херцог возвращаются к 504-му «пежо», припаркованному возле дома Барта, Байяр снимает с ветрового стекла сразу несколько штрафных квитанций, и они

⁴² Аллюзия на книгу Симоны де Бовуар «Второй пол».

движутся по направлению к площади Республики, а за ними едут черный DS и синий «Фуэго».

Жак Байяр и Симон Херцог прохаживаются в тумане парильни, повязав бедра короткими белыми полотенцами; вокруг – потные, мимоходом соприкасающиеся фигуры. Удостоверение комиссар оставил в раздевалке, здесь они инкогнито – чтобы не спугнуть жиголо с серьгой, если он им встретится.

Надо признать, вместе они смотрятся вполне убедительно: один – в годах, крепкий, с волосатым торсом, что-то настойчиво высматривает, второй – молодой, тощий и гладкий, украдкой поглядывает по сторонам. Симон Херцог, чем-то похожий на робкого антрополога, привлекает внимание: встречные мужчины раскатывают губу, провожают его взглядом, оборачиваются; впрочем, Байяр тоже пользуется некоторым успехом. Пара-тройка молокососов строит глазки, а еще пялится какой-то толстяк – он стоит в стороне, стиснув рукой член: похоже, любители стиля Лино Вентуры все же существуют. Байяр в ярости: в этом сборище педиков его приняли за своего; но он все-таки профессионал и умело скрывает свои чувства – только делает слегка насупленный вид, чтобы не лезли.

Комплекс включает несколько разных зон: это собственно парильня, хаммам, бассейн и укромные помещения всевозможных размеров и конфигураций. Местная фауна также

отличается разнообразием: любой возраст, рост или телосложение – пожалуйста. Но у комиссара и его помощника с поисками проблема: половина посетителей носит в ухе серьгу, а из тех, кто моложе тридцати, почти сто процентов, и практически все они магребинцы. Волосы как примета, к сожалению, тоже не годятся: вычислить молодого человека с закрывающей лицо челкой в этой обстановке не представляется возможным: мокрые волосы все машинально зачесывают назад.

Остается последнее: южный акцент. Но это предполагает, что рано или поздно будет установлен вербальный контакт.

В одном из закутков парильни на терракотовой скамье два юных эфеба ласкаются и теребят друг друга за концы. Байяр осторожно наклоняется над ними – смотрит, нет ли у кого из них в ухе серьги. Есть, у обоих. Но будь они жиголо, стали бы они тратить время друг на друга? Все возможно, в полиции нравов Байяру работать не приходилось и в этих материях он не специалист. Он тащит Симона за собой, чтобы по-хозяйски все рассмотреть. Видно плохо, свет рассеянный, водяной пар висит густым туманом; некоторые уединяются в выгороженных сзади каморках, и видно их только сквозь решетчатые окна. Вот идет араб, у которого явно не все дома – он пытается потрогать за член каждого встречного, два японца, два усача с сальными волосами, два татуированных бугая, немолодые сластолюбцы – и молодые, с масляным взором. Полотенца носят на бедрах или на плечах, в

бассейне – голые, у кого-то стоит, но не у всех. Разнообразие размеров и форм также стремится к бесконечности. Байяр пытается высмотреть тех, кто с серьгой, и когда насчитывает человек пять, указывает на одного из них Симону и велит с ним поговорить.

Симон Херцог уверен, что разбираться с жиголо логичнее Байяру, а не ему, но, увидев каменное лицо полицейского, понимает, что спорить бесполезно. Он нерешительно приближается к жиголо и произносит: «Добрый вечер». Голос у него дрожит. Незнакомец улыбается, но молчит. За стенами университетской аудитории Симон Херцог весьма застенчив и «правила съема» так и не освоил. Ему удастся выдавить из себя пару избитых фраз, и он тут же чувствует, что они неуместны и глупы. Не сказав ни слова, незнакомец берет его за руку и ведет к комнатам в глубине зала. Симон безвольно следует за ним. Он знает, что действовать нужно быстро. И еле слышно спрашивает: «Как тебя зовут?» «Патрик», – отвечает тот. Ни *o*, ни других специфических закрытых гласных, по которым можно определить южный акцент. Симон входит за своим спутником в небольшое выгороженное помещение, юноша обхватывает его бедра и опускается перед ним на колени. В надежде услышать полноценную фразу, Симон, запинаясь, бормочет: «Может быть, тебе хочется, чтобы я начал?» Его спутник отвечает нет и запускает руку под полотенце, Симон вздрагивает. Полотенце падает. Симон с удивлением осознает, что его член под с пальца-

ми юноши не так уж вял. Он решает идти ва-банк: «Постой, стой! Знаешь, чего хочу я?» – «Скажи». Опять слишком мало слогов, чтобы уловить акцент. «Я хотел бы на тебя испражниться». Удивленный взгляд. «Можно?» И Патрик наконец отвечает без всякого южного акцента: «Ладно, но это будет дороже». Симон Херцог хватается за свое полотенце и ретируется, бросая на ходу: «А вообще ладно! В другой раз!» Если ему придется проделать то же самое еще с дюжиной кандидатов, ошивающихся в этом заведении, вечер может затянуться. Он снова встречает чокнутого араба – тот пытается мимоходом потрогать его член; видит двух усачей, двух японцев, татуированных бугаев, юных эфебов, подходит к Байяру, и в этот момент звучит чей-то поставленный голос, профессорский, гундосый: «Слуга порядка демонстрирует свои репрессивные мускулы на арене биовласти? Нет ничего естественнее!»

Позади Байяра, положив локти на спинку деревянной скамьи и широко расставив ноги, сидит голый человек, лысый, поджарый, с квадратной челюстью, ему делает минет нитеобразный юноша с серьгой в ухе, правда коротко стриженный. «Нашли что-нибудь интересное, комиссар?» – спрашивает Мишель Фуко, разглядывая Симона Херцога.

Байяр не выдает удивления, но не знает, что ответить. Симон Херцог изумленно таращит глаза. Эхо из глубины задних комнат наполняет тишину вскриками и стонами. Усатые ребята, стоя в тени и держась за руки, украдкой рассматрива-

ют Байяра, Херцога и Фуко. Араб «Дай-потрогать» все бродит. Японцы с полотенцами на головах делают вид, что собираются в бассейн. Татуированные бугаи клеятся к эфебам – или наоборот. Мишель Фуко продолжает допрос Байяра: «Как вам заведение, комиссар?» Байяр не отвечает, слышно только эхо из задних комнат: «О!.. А!..» Фуко: «Ищете кого-то, но, похоже, не нашли». Со смехом показывает на Симона Херцога: «Это ваш Алкивиад?» Из задних комнат: «О!.. А!..» Байяр: «Я ищу человека, который виделся с Роланом Бартом незадолго до происшествия». Фуко, поглаживая голову юноши, который возится у него между ног: «Вообще-то, у Ролана был секрет...» Байяр спрашивает какой. В комнатах в глубине все громче вздохи. Фуко поясняет Байяру, что у Барта было западное восприятие сексуальности: это одновременно и нечто тайное, и то тайное, что пора сделать явным. «Ролан Барт – агнец, возжелавший стать пастором, – говорит он. – И он им стал! Блистательно, как никто! Но в остальном... В плане сексуальности он так и остался агнцем». В глубине стонут: «О!.. О!.. О!.. О!..» Субъект «Дай-потрогать» пытается сунуть руку под полотенце Симону, тот аккуратно ее отводит, и араб направляется к усачам. «В сущности, у Ролана был христианский нрав, – говорит Фуко. – Он приходил сюда, так же как первые христиане ходили к мессе: ничего не смыслил, но был исполнен рвения. Верил неосознанно. (В задних комнатах: „Да! Да!“) Вам противна гомосексуальность, комиссар? („Еще! Еще!“) Но ведь

это вы нас создали. В античной Греции понятия гомосексуальности не было: Сократ мог совокупляться с Алкивиадом и не считался педерастом, растление юных греки понимали более возвышенно...»

Фуко запрокидывает голову и закрывает глаза; ни Байяр, ни Херцог не могут понять, наслаждается он или думает. Из комнат в глубине по-прежнему хор голосов: «О!.. А!..»

Фуко вновь открывает глаза, словно что-то вспомнил: «И все же у греков тоже были ограничения. В их представлении делиться удовольствием с мальчиками было не обязательно. Конечно, они не могли этого запретить, но и в голове у них это не укладывалось, и в итоге подход был, как у нас: это просто не считалось приличным. (Из задних комнат: „Нет! Нет! Нет!“) Приличия, как ни верти, – самый действенный способ принуждения...» Он показывает на юношу у себя между ног: «*Ceci n'est pas une pipe*⁴³, как сказал бы Магритт, ха-ха-ха!» Затем он приподнимает голову юноши, который все это время добросовестно работал ртом: «Скажи, тебе ведь нравится меня обсасывать, правда, Хамед?» Тот осторожно кивает. Фуко смотрит с нежностью, поглаживает его по щеке и говорит: «Тебе идет короткая стрижка». Улыбнувшись, парень произносит с характерными назальными призвуками: «*Спасибо большойе*».

⁴³ Имеется в виду надпись на полотне Рене Магритта с изображением курительной трубки: «*Ceci n'est pas une pipe*» («Это не трубка»). Во французском языке слово «*pipe*» имеет также значение «фелляция».

Байяр и Херцог настораживаются, они не уверены, что правильно расслышали, но он продолжает: «Мне приятно, Мишель, и член у тебя красивый, долдон!»

Да, он видел Ролана Барта несколько дней назад. Нет, это не сексуальная связь в полном смысле. Барт называл это «пуститья в плавание». Но особо активным не был. Скорее сентиментальным. Он угостил его омлетом в «Ла Куполь», а потом уговорил пойти в свою каморку под крышей. Они выпили чаю. Ни о чем таком не говорили, Барт болтать не любил. Был задумчивым. Перед тем как расстаться, Барт спросил: «Что бы ты сделал, будь ты властелином мира?» Жиголо ответил, что отменил бы все законы. «Даже грамматики?» – спросил Барт.

В холле госпиталя Питье-Сальпетриер относительный покой. Друзья, почитатели, знакомые Ролана Барта и любопытствующие, изо дня в день сменяя друг друга у изголовья великого мужа, заполняют вестибюль, тихо переговариваются с сигаретой, сэндвичем, газетой, книгой Ги Дебора или романом Кундеры в руках, и вдруг возникает эта троица: невысокая энергичная женщина с короткой стрижкой в сопровождении двух мужчин, один – в белой рубашке с расстегнутым воротником и в длинном черном пальто, с развевающимися темными волосами, другой похож на птицу, во рту мундштук, соломенные волосы.

Решительно ступая, десант таранит толпу – чувствуется: сейчас что-то будет, в воздухе пахнет Нормандской высадкой, они берут курс на коматозное отделение. Пришедшие из-за Барта вопросительно переглядываются, все остальные тоже. Не проходит и пяти минут, как раздаются первые возгласы: «Они ничего не делают! Ждут, когда он умрет!»

Три ангела мести возвращаются из царства мертвых в ярости: «Здесь хуже, чем в хосписе! Безобразия! Они что, издеваются? Почему нам никто не сообщил? Если бы мы там были!..» Жаль, в вестибюле не нашлось фотографа, чтобы запечатлеть этот эпохальный момент в истории французской

мысли: Кристева, Соллерс и Б.А.Л.⁴⁴ нападают на больничный персонал и возмущены недостойными условиями, в которых содержится такой важный пациент – их великий друг Ролан Барт.

Читатель может удивиться, откуда взялся Б.А.Л., но он уже тогда был в каждой бочке затычка. Барт поддержал в его лице «нового философа», высказавшись несколько туманно, но в то же время с относительной официальностью, и, кстати, за это его отругал Делез. Барт всегда давал слабину, не умел отказывать друзьям. В семьдесят седьмом Б.А.Л. отправил ему экземпляр только что вышедшего «Варварства с человеческим лицом», и Барт снизошел до вежливого ответа, в котором, не вдаваясь в детали, ограничился похвалами стилю. Глазом не моргнув, Б.А.Л. опубликовал письмо в «Нувель литтерер»⁴⁵, сошелся с Соллерсом – и вот, три года спустя, бушует в вестибюле в Сальпетриер, шумно демонстрируя заботу о друге – великом критике.

А пока сплотившаяся троица раздувает скандал и рычит на несчастный медицинский персонал («Его немедленно надо перевести! В Американский госпиталь! Позвоните в Нейи!»), по коридору проскальзывают двое в мешковатых костюмах – их никто не замечает. Жак Байяр – он тоже

⁴⁴ Литератор и философ Бернар-Анри Леви (Bernard-Henri Lévy, р. 1948), носящий прозвище BHL – акроним полного имени.

⁴⁵ «Les Nouvelles littéraires» («Литературные новости») – газета, освещавшая темы литературы и искусства. Выходила с 1922 по 1985 г.

здесь – с недоумением и слегка оторопело наблюдает за вертким, как турникет, высоким брюнетом в черном пальто и его визгливыми спутниками. Рядом Симон Херцог – выполняет свою принудительную работу: наклонившись к уху комиссара, как переводчик-синхронист, объясняет, кто эти люди, а три ангела мести все изрыгают проклятия, и их проход через вестибюль больницы напоминает движение шахматных фигур, вроде бы беспорядочное, но я не удивлюсь, если окажется, что эта хореография подчинена какой-то неведомой тактике.

Рычание продолжается («Вы хоть знаете, кто это? Вы правда считаете, что с Роланом Бартом можно обращаться как с обычным больным?» – избранность для такой публики всегда предполагает привилегии), а два невзрачно одетых посетителя уже возвращаются в вестибюль, чтобы затем незаметно скрыться. Они даже не успевают выйти, как вдруг с вытаращенными глазами выскакивает медсестра, блондинка с точеными ногами, и что-то шепчет на ухо доктору. Начинается общий ажиотаж, все толкаются, пытаюсь пролезть в коридор, спешат к палате Барта. Великий критик лежит на полу, все трубки и провода выдернуты, из-под тонкой, как бумага, больничной сорочки видны вялые ягодицы. Он хрипит, пока его переворачивают, и отчаянно вращает глазами, но, заметив комиссара Жака Байяра, бросившегося вслед за врачами, с нечеловеческим усилием приподнимается, хватая его за пиджак, вынуждая присесть на корточки, и отчетли-

во, хоть и тихо, произносит со знаменитыми низкими обертонами, так что можно подумать, будто это говорит Филипп Нуаре, только прерывисто, словно икая:

– София! *Ке Эл...*

Байяр вспоминает из курса криминалистики: *C. L.*⁴⁶, *consciis latens*, «скрытый соучастник».

В дверном проеме рядом со светлокудрой медсестрой Барт замечает Кристеву и несколько долгих секунд не сводит с нее глаз, в палате все замирают – врачи, сестры, друзья, полицейские парализованы его отчаянным взглядом; затем он теряет сознание.

На улице, визжа покрывками, срывается с места черный DS. Это остается без внимания Симона Херцога, который все еще находится в вестибюле.

Байяр спрашивает Кристеву: «Вы София?» Кристева отвечает: «Нет». А поскольку он ждет, что будет дальше, добавляет, произнося на французский манер, с палатализованными *j* и *i*: «Меня зовут *Жюлия*». Байяр отмечает ее легкий иностранный акцент и думает: наверное, итальянка или немка, а может, гречанка, бразильянка или русская. Черты лица у нее скорее резкие, и ему не нравится посланный ею буравящий взгляд, он прекрасно чувствует, что написано в этих маленьких черных глазах: она умная женщина, умнее его, и она презирает его за то, что он легавый, а значит, полный

⁴⁶ В классическом латинском алфавите произношение буквы «С» принято передавать транскрипцией [ke:] – «ке».

осёл. «Род занятий?» – машинально спрашивает он. И когда она принимает надменное выражение, отвечая «психоаналитик», он невольно хочет дать ей пощечину, но сдерживается. Надо опросить еще двоих.

Светлокудрая медсестра укладывает Барта обратно в койку, он без сознания; Байяр организует пост из двух полицейских возле палаты и запрещает посещения до нового приказа. Затем поворачивается туда, где ждут два брата-акробата.

Фамилия, имя, возраст, род занятий.

Жуайо Филипп, он же Соллерс, сорок четыре года, писатель, женат на Юлии Жуайо, урожденной Кристевой.

Леви Бернар-Анри, тридцать два года, философ, выпускник Эколь нормаль.

Когда все случилось, обоим не было в Париже. Барт и Соллерс были очень близки... Барт участвовал в издании журнала «Тель кель»⁴⁷ Филиппа Жуайо, он же Соллерс, несколько лет назад они вместе с Юлией, втроем, ездили в Китай... Зачем? С научными целями... Вонючие коммуняки, – думает про себя Байяр. Барт написал не одну хвалебную статью о сочинениях Соллерса... Барт Соллерсу как отец, пусть даже порой он сам как ребенок... А Кристева? Барт как-то заявил, что если бы любил женщин, то влюбился бы в Юлию... Он ее обожал... А вы не стали бы ревновать, месье Жуайо?

⁴⁷ «Tel quel» (буквальный перевод: «Какой есть») – литературный журнал; издавался с 1960 по 1982 г.; считался ведущим изданием структуралистской школы во Франции. Все двадцать два года Филипп Соллерс оставался его главным редактором.

Ха-ха-ха... У нас с Юлией не такие отношения... К тому же бедный Ролан и с мужчинами не был особо счастлив... Почему? Опыта не хватало... вечно им пользовались!.. Понимаю. А вы, месье Леви? Я им восхищаюсь, это великий человек. Вы тоже с ним путешествовали? У меня было много планов, которыми я хотел с ним поделиться. Что за планы? Фильм о жизни Шарля Бодлера, думал предложить ему главную роль, совместное интервью с Солженицыным, петиция, чтобы НАТО освободила Кубу. Вы можете предоставить свидетельства, что эти планы имели место? Да, конечно, я обсуждал их с Андре Глюксманном⁴⁸, он подтвердит. У Барта были враги? Да, много, – отвечает Соллерс. Всем известно, что он наш друг, а у нас много врагов! Кто? Сталинисты! Фашисты! Ален Бадью! Жиль Делез! Пьер Бурдьё! Корнелиус Касториадис!⁴⁹ Пьер Видаль-Наке!⁵⁰ И... Элен Сиксу!⁵¹ (Б.А.Л.: Они что, поссорились с Юлией? Соллерс: И да и нет... она ревнует Юлию к Маргерит...)

Что за Маргерит? Дюрас. Байяр записывает все имена.

⁴⁸ Андре Глюксманн (André Glucksmann, 1937–2015) – французский философ и публицист; радикальный мыслитель; в 1960-е гг. последователь маоизма, позднее критиковал любые формы тоталитаризма.

⁴⁹ Корнелиус Касториадис (Cornelius Castoriadis, 1922–1997) – французский философ и экономист греческого происхождения.

⁵⁰ Пьер Эмманюэль Видаль-Наке (Pierre Emmanuel Vidal-Naquet, 1930–2006) – французский историк, специалист по Древней Греции; публицист.

⁵¹ Элен Сиксу (Hélène Sixous, р.1937) – литератор, литературный критик, последовательница структурализма и теоретик феминистского движения.

Месье Жуайо знаком с неким Мишелем Фуко? Соллерс начинает кружиться, как дервиш, быстрее и быстрее, мундштук словно ввинчен в рот, накаленный кончик рисует изящные оранжевые дуги в коридоре больницы: «Правду, господин комиссар?... Только правду... ничего, кроме правды... Фуко завидовал славе Барта... и уж тем более тому, что я, Соллерс, его, Барта, любил... а Фуко тиран – хуже некуда, господин комиссар, из лакейской породы... Представьте себе, уважаемый страж порядка, кхе-кхе... что Фуко предъявил мне ультиматум... „Придется выбирать между Бартом и мной!“ ... Это как выбирать между Монтенем и Ла Боэси... Между Расином и Шекспиром... Гюго и Бальзаком... Гёте и Шиллером... Марксом и Энгельсом... Мерксом и Пулидором...⁵² Мао и Лениным... Бретоном и Арагоном... Лорелом и Харди...⁵³ Сартром и Камю (э... нет, неудачный пример)... Между де Голлем и Тиксье-Виньянкуром...⁵⁴ Между плановой и рыночной экономикой... Между Рокаром и Миттераном... Жискарром и Шираком...» Соллерс сбавляет обо-

⁵² Эдди Меркс (барон Эдуард Луи Жозеф Меркс, Edouard Louis Joseph baron Merckx, р. 1945) – бельгийский велогонщик, в конце 1960–1970-х гг. обладатель многих спортивных наград; Реймон Пулидор (Raymond Poulidor, р. 1936) – французский велогонщик, добившийся спортивных успехов в 1960-е гг.

⁵³ Стэн Лорел (Stan Laurel, 1890–1965) и Оливер Харди (Oliver Hardy, 1892–1957) – американские комики; один из наиболее популярных комических дуэтов в кино.

⁵⁴ Жан-Луи Жильбер Тиксье-Виньянкур (Jean-Louis Gilbert Tixier-Vignancour, 1907–1989) – французский юрист и политический деятель, придерживался крайне правых убеждений.

роты, покашливает, не вынимая мундштук. «Между Паскалем и Декартом... Кхе-кхе... Трезором и Платини... „рено“ и „пежо“... Мазарини и Ришелье...» (со свистом затягивается). Ему уже кажется, что он иссяк, но тут открывается второе дыхание. «Между левым берегом и правым...⁵⁵ Между Парижем и Пекином... Венецией и Римом... Муссолини и Гитлером... Между свиной колбасой и пюре...»

В палате внезапно раздается грохот. Байяр распахивает дверь и видит Барта, который бьется в конвульсиях и что-то в беспмятстве произносит, а медсестра пытается поднять борта кровати. Он упоминает «звездную россыпь текста», похожего на «легкое землетрясение», «смысловые блоки», прочтение которых охватывает лишь гладкую поверхность, неуловимо слитую в потоке фраз, цельный дискурс повествования, великую естественность разговорного языка.

Байяр просит, чтобы срочно позвали Симона Херцога – переводить. Барт все отчаяннее бьется на больничной койке. Байяр наклоняется к нему и спрашивает: «Месье Барт, вы видели, кто на вас покушался?» Барт обезумело таращит глаза, обхватывает затылок Байяра и, прерывисто дыша, в ужасе вещает: «Опорное означающее разделено на ряд коротких смежных фрагментов, так называемых лексических единиц, поскольку это и есть единицы чтения. Такое разделение, надо сказать, несколько более произвольно; оно не предполагает какой-либо методологической ответственности, поскольку

⁵⁵ Имеются в виду две половины Парижа, разделенные Сеной.

ку затрагивает означаемое, тогда как предложенный метод анализа касается исключительно означаемого...» Байяр вопросительно смотрит на Херцога, тот пожимает плечами. Барт свистит, стиснув зубы, вид у него грозный. Байяр спрашивает: «Месье Барт, кто такая София? *Ке Эл* – это *конциус латенс*?» Барт смотрит непонимающе или слишком хорошо все понимает и протяжно сипит: «Текст в массе своей сравним с небом, плоским и глубоким одновременно, ровным, лишенным границ и каких-либо ориентиров; точно авгур, который концом жезла чертит в нем воображаемый прямоугольник и ищет ответы, особым образом следя за полетом птиц, толкователь намечает в протяженности текста зоны чтения и в них наблюдает миграцию смыслов, раскрытие кодов, перетекание цитат». Байяр готов убить Херцога, по озадаченному лицу которого совершенно ясно, что перевести эту абракадабру он не способен, а Барт уже на грани истерики и кричит так, словно от этого зависит его жизнь: «Все в тексте! Понимаете? Найдите текст! Функция! Эх, ни черта вы не понимаете!» Он падает на подушку и бормочет как заклинание: «Лексическая единица – лишь оболочка семантического объема, водораздел множественного текста, представляющего собой обочину для возможных смыслов в потоке речи (но только выверенных, подтвержденных системным прочтением): тогда лексическая единица и ее соединения предстают в виде своеобразного многогранника, несущего на поверхности слово, сочетание слов, фразу или абзац,

иначе говоря – язык, который становится их „естественным“ эксципиентом». Он теряет сознание. Байяр трясет его, чтобы он очнулся, светлокудрая медсестра заставляет его отпустить пациента и снова выгоняет всех из палаты.

Когда Байяр просит Симона Херцога растолковать ему, в чем тут соль, тот собирается сказать, что Соллерс и Б.А.Л. не заслуживают слишком большого внимания, но тут нашего диссертанта осеняет, и, почувствовав аппетит, он произносит: «Для начала нам бы следовало допросить Делеза».

Выходя из госпиталя, Симон Херцог сталкивается со светлокудрой медсестрой, которая приставлена к Барту. «О, простите, мадемуазель». Она улыбается, улыбка у нее обольстительная: «Ничего стр-рашного, месье».

Хамед просыпается рано. Вчерашние пары и вещества, которыми, как губка, еще пропитано тело, избавляют от дурного сна. В вязком дурмане, путаясь в обстановке незнакомой комнаты, он не сразу вспоминает, как попал сюда и чем занимался. Он выбирается из-под одеяла, стараясь не разбудить лежащего рядом мужчину, натягивает футболку без рукавов, влезает в джинсы «Ли Купер», варит на кухне кофе, приканчивает на ходу косяк, оставленный вчера в пепельнице в форме джакузи, берет куртку от «Тедди Смит», черно-белую с большой красной буквой «F» там, где сердце, и уходит, захлопнув дверь.

День обещает быть ясным, на пустой улице у тротуара припаркован черный DS. Хамед вдыхает свежий воздух, слушает «Blondie» в наушниках, подключенных к плееру, и не замечает, что черный DS тронулся с места и едет за ним. Он переходит на другой берег Сены, идет вдоль Сада растений и думает, что если ему немного повезет, то во «Флоре» кто-нибудь угостит его настоящим кофе, однако там только такие же жиголо, два-три старика, которым ничего не надо, и Сартр, тут как тут, покашливая, курит трубку в окружении небольшой группы студентов в свитерах, так что Хамед стреляет сигарету у прохожего в плаще, выгуливающего гончую с грустными глазами, и останавливается покурить возле за-

крытого еще паба «Сен-Жермен» вместе с другими жиголо – судя по их виду, они тоже мало спали, много пили и курили, а многие забыли накануне поесть. Здесь Саид – спрашивает, не был ли он вчера в «Синем ките», Гарольд – хвастается, что чуть не перепихнулся с Амандой Лир в «Ле Палас», и Слимман, которому дали в пятак неизвестно за что. Делать всем не фиг, тоска зеленая, Гарольд сходил бы на «Игру в четыре руки»⁵⁶ в «Монпарнас» или «Одеон», но первый сеанс только в два. На другой стороне улицы два усатых типа припарковали свой DS и пьют кофе в брассери «Липп». Оба в помятых костюмах, словно ночевали в машине, и оба не расстаются с зонтиками. Может, вернуться, еще поспать, – думает Хамед, но взбираться наверх через шесть этажей неохота, он стреляет сигарету у черного парня, выходящего из метро, и прикидывает, идти или не идти в больницу. Саид сообщает, что «Бабар» в коме, но, наверное, будет рад услышать его голос; говорят, коматозники слышат, как и растения, когда имставишь классическую музыку. Гарольд хвастается двусторонней курткой-бомбером: черной, а если вывернуть – оранжевой. Слимман говорит, что вчера встретил русского поэта, их знакомого, у которого теперь шрам на лице, и он от этого стал еще красивее, – рассказывает и ржет. Хамед решает свалить в «Ла Куполь» и направляется вверх по рю де Ренн. Усатые типы срываются вслед за ним, забыв зонты, но офи-

⁵⁶ «Le Guignolo» – фильм, вышедший на экраны 26 марта 1980 г.; главную роль сыграл Жан-Поль Бельмондо.

циант догоняет их с криками: «Господа! Господа!» Он размахивает зонтами, как шпагами, но на это никто не обращает внимания, хотя странно – день обещает быть солнечным. Двое забирают зонты и продолжают слежку. Они останавливаются возле «Космоса», где показывают «Сталкера» Тарковского и еще какой-то советский военный фильм, так что Хамед успевает немного уйти вперед, но, поскольку и он замедляет шаг перед бутиками со шмотками, потерять его они не боятся.

Тем не менее один из них возвращается за «богиней».

Жиль Делез принимает двух следователей на рю де Бизерт, между Ла Фурш и площадью Клиши. Симон Херцог рад встретиться со знаменитым мыслителем в домашней обстановке, среди книг, в квартире, где стоек дух философии и табака. Работает телевизор, показывают теннис, Симон замечает целую кучу разбросанных тут и там трудов, посвященных Лейбницу, и слышно, как мячи делают «чпок-чпок»: идет игра Коннорс – Настасе.

По официальной версии, следователи пришли сюда, потому что на Делеза указал Б.А.Л. Допрос начинается с азов, то есть с буквы «а» (*a* как *аккриминация*).

«Месяе Делез, говорят, у вас с Роланом Бартом есть разногласия. В чем они заключаются?» Чпок-чпок. У Делеза во рту наполовину выкуренная, но погасшая сигарета. Байяру бросаются в глаза неестественно длинные ногти. – «Вот как? О нет. С Роланом у меня никаких разногласий, помимо того, что он поддержал это ничтожество, этого придурка в белой рубашке».

Симон замечает шляпу на шляпной полке. Вместе с той, что висит на вешалке при входе, и лежащей на комодке получается как-то много, и все – разных цветов, в стиле Алена Делона в «Самурае». Чпок-чпок.

Делез устраивается в кресле поудобнее: «Видите того аме-

риканца? Это анти-Борг. Хотя нет, анти-Борг – это Макинрой: подача египетская, душа русская, ага, кхе-кхе... (Покашливает.) Зато Коннорс (он произносит „Коннорз“) бьет плоско, постоянно рискует, мячи резаные... очень изысканно, кстати... Борг – он играет на задней линии, мячи посылает высоко над сеткой, *свечой*. Такое любому работяге понятно. Борг создает пролетарский теннис. Макинрой и Коннорс, ясное дело, на корте – аристократы».

Байяр усаживается на диван – чувствует, что придется долго выслушивать эту пургу.

Симон позволяет себе возразить: «Но разве Коннорс – не народный архетип? Эдакий bad boy, шалопай, хулиган, мухлюет, спорит, скандалит, не признает поражений, драчун, задира, невероятно упертый».

Делез едва сдерживает жест раздражения: «Да? Ну-ну, *хм*, интересное замечание».

Байяр спрашивает: «А если бы у Барта решили что-нибудь украсть – это возможно? Документ, скажем. Вам ни о чем таком не известно, месье Делез?»

Делез поворачивается к Симону: «Думаю, вопрос „*что именно*“ в данном случае не лучший. *Кто, сколько, как, где, когда*, пожалуй, будет правильнее».

Байяр закуривает и с терпеливым, почти покорным выражением уточняет:

– Что вы имеете в виду?

– Ну, ясно, что раз уж вы пришли ко мне через неделю

с лишним после происшествия и заявляете об инсинуациях этого философа хренова, у которого словесное недержание, то наверняка несчастный случай с Роланом собственно таким не является. И вы ищете виновного. А значит – мотив. Но до *почему* поди доберись, правда? Полагаю, что ниточка от шофера ничего не дала? Я слышал, что Ролан очнулся. И молчит? Вот и отпало *почему*.

Из телевизора слышны охи Коннорса при каждом ударе по мячу. Симон бросает взгляд в окно. И замечает припаркованный внизу синий «Фуэго».

Байяр спрашивает, в чем, по мнению Делеза, причина молчания Барта. Делез отвечает, что об этом ему неизвестно, но зато он знает другое: «Что бы ни происходило, при любых обстоятельствах найдутся притязающие. То есть люди, которые говорят: в этом я лучше всех».

Байяр придвигает поближе к себе стоящую на журнальном столе пепельницу в виде совы: «А вы на что притязаете, месье Делез?»

В ответ негромкий возглас, нечто среднее между усмешкой и покашливанием: «Притязать можно на то, что недосяжимо, или выдавать себя за того, кем вы были когда-то, но не будете впредь, господин комиссар. Но вопрос-то не в этом, верно?»

Байяр спрашивает, в чем вопрос.

Делез снова закуривает: «Как сделать выбор среди притязающих».

По дому разносится эхо: кричит женщина. Неизвестно, от наслаждения или от ярости. Делез тычет пальцем в сторону двери: «Женское, господин комиссар, не данность, это не заложено от рождения. Женщиной становятся. – Он поднимается, сам негромко охнув, и наливает себе бокал красного. – С нами точно так же».

Байяр не уверен: «Думаете, мы с вами во всем похожи?»

Делез улыбается: «Ну, в некотором смысле... да».

Байяр, пытаясь показать благожелательность, в которой все же есть некоторая настороженность:

– Вы тоже занимаетесь поиском истины?

– Ого! Истины... Где у нее начало и где конец... Мы, знаете ли, всегда где-то посередине.

Коннорс побеждает в первом сете – 6:2.

«Как определить, кто из притязующих подходит? Зная как, вы выясните и почему. Взять, например, софистов: если верить Платону, проблема в том, что они притязают на то, на что им притязать не положено. Да-да, мухлюют, паразиты!.. – Он потирает руки. – В судебном деле всегда есть притязающие...»

Он залпом опрокидывает бокал и добавляет, глядя на Симона: «Это увлекательно, как роман».

Симон ловит его взгляд.

«Нет, это исключено, я категорически против! Я не пойду! Хватит! И речи быть не может, ноги моей в вашем дворце не будет! Чтобы расшифровать, что говорит эта сволочь, я вам не нужен! Да я и без него все скажу, короче, вот: я покорный слуга большого капитала. Враг рабочего класса. Прибрал к рукам все средства информации. Когда не охочусь на слонов в Африке, открываю охоту на свободные радиостанции. Напяливаю намордник на свободу слова. Втыкаю атомные станции где ни попадя. Я шкурный демагог – вваливаюсь к беднякам без приглашения. Храню краденые бриллианты. Изображаю пролетария, катаясь в метро. Люблю черных, если они императоры или мусорщики. При слове *гуманитарный* высылаю авиадесант. С помощью крайне правых улаживаю мелкие дела. И кладу с прибором на Национальное собрание. Я... я... ОГОЛТЕЛЫЙ ФАШИСТ!»

Симон закуривает, его трясет. Байяр ждет конца истерики. На этом этапе расследования, с учетом имеющихся сведений, он подал первый рапорт и предполагал, что дело начнет набирать обороты, но не настолько, чтобы позвали *туда*. Да еще с сопляком.

«Все равно не пойду, не пойду, не пойду», – твердит сопляк.

«Сейчас господин президент вас примет».

Жак Байяр и Симон Херцог входят в ярко освещенный угловой кабинет, где стены обиты зеленым шелком. Симон мертвецки бледен, но машинально замечает два кресла, развернутые в сторону стола, за которым сидит Жискар, а в другой части помещения – еще кресла и диван, расставленные вокруг кофейного столика. Наш книгочей тотчас просекает разницу: в зависимости от того, хочет ли президент подчеркнуть дистанцию между собой и посетителями или, наоборот, намерен придать встрече более дружественный тон, он принимает их либо за столом, который служит ему бастионом, либо усаживает вокруг кофейного столика, над которым все наклоняются, поедая пирожные. Симон Херцог замечает книгу о Кеннеди, положенную на видном месте – на наклонной подставке для письма, – чтобы подчеркнуть образ молодого прогрессивного главы государства, который Жискар тоже хочет олицетворять; на бюро с выдвигающейся крышкой – две шкатулки, красная и синяя; везде много бронзы; папки с документами – в стопках тщательно выверенной высоты: будь они слишком низкими, создавалось бы впечатление, что президент плюет в потолок; слишком высокими – значит, у него завал. Стены оформлены полотнами мастеров. Встав за массивным столом, Жискар указыва-

ет на одну из картин, на которой изображена красивая и суровая женщина – руки у нее разведены в стороны, а тонкое белое платье распахнуто почти до живота и едва скрывает тяжелую, молочного цвета грудь: «Мне посчастливилось на время получить из музея Бордо одно из самых прекрасных произведений французской живописи – „Греция на руинах Миссолонги“ Эжена Делакруа. Великолепно, не правда ли? Вы ведь, конечно, знаете город Миссолонги: там умер лорд Байрон во время войны за независимость с турками. Если не ошибаюсь, в 1824-м. (Симон не упускает это кокетливое „если не ошибаюсь“.) Это была страшная война, оттоманы жутко зверствовали».

Не выходя из-за стола и не собираясь пожимать посетителям руки, он приглашает их сесть. Значит, не будет ни дивана, ни пирожных. Президент, по-прежнему стоя, продолжает: «Знаете, что сказал обо мне Мальро? Что мне незнакомо ощущение трагизма истории». Краем глаза Симон поглядывает на Байяра: тот молча ждет – так и стоит в плаще.

Жискар вновь обращается к картине, поэтому посетители считают своим долгом обернуться и показать, что они следят за его мыслью: «Может, ощущения трагизма истории у меня и нет, зато я чувствую трагическую красоту этой молодой женщины, раненной в бедро, – она несет надежду на освобождение своего народа!» Не зная, когда можно вклиниться в поток президентской речи, посетители ничего не говорят, но, кажется, Жискара это не смущает, он привык

к молчанию как к знаку учтвого согласия. Но вот он прерывает свой шепелявый монолог, поворачивается в сторону окна, и Симон понимает, что пауза эта – переходная, теперь пора обратиться к делу.

Не оборачиваясь и позволяя собеседникам обозреть свой лысый череп, президент продолжает: «С Роланом Бартом я один раз встречался. Приглашал его в Елисейский дворец. Очень приятный человек. Он четверть часа изучал меню и просто блестяще сформулировал символическое значение каждого блюда. Совершенно потрясающе. Бедняга, я слышал, что он с трудом оправился после смерти матери, да?»

Жискар наконец садится и обращается к Байяру: «Комиссар, в тот день, когда произошел несчастный случай, у меня Барта был при себе документ, который у него похитили. Я бы хотел, чтобы вы его нашли. Это вопрос национальной безопасности».

Байар спрашивает: «Что представляет собой этот документ, господин президент?».

Жискар наклоняется вперед и, упершись кулаками в столешницу, многозначительно произносит: «Это жизненно важный документ, ставящий под угрозу национальную безопасность. Если воспользоваться им необдуманно, это может причинить неизмеримый ущерб и пошатнуть сами основы демократии. К сожалению, больше я вам ничего сказать не могу. Работать нужно будет с соблюдением секретности. Но вы получите свободу действий».

Затем наконец он переводит взгляд на Симона: «Молодой человек, мне сказали, что вы... своего рода проводник комиссара? И хорошо знаете лингвистическую среду, в которой вращался месье Барт?»

Симон не заставляет ждать ответа: «Вообще-то, не совсем так».

Жискар бросает вопросительный взгляд на Байяра, тот поясняет: «У месье Херцога есть связи, которые могут оказаться полезными для следствия. Он понимает, как устроены эти люди, ну и вообще – что к чему. Способен замечать то, чего полиции не увидеть».

Жискар улыбается: «Так вы ясновидящий, как Артур Рембо, молодой человек?»

Симон смущен и бормочет: «Нет. Ни в коем случае».

Жискар показывает пальцем на две шкатулки, красную и синюю, стоящие позади них, на бюро с выдвигающейся крышкой, под «Грецией» Делакруа: «Как по-вашему, что там?»

Не догадавшись, что это проверка, и не успев подумать, стоит ли ее проходить, Симон мгновенно отвечает: «Полагаю, ордена Почетного легиона?»

Улыбка у Жискара все шире. Он встает, открывает одну из шкатулок и достает оттуда орден: «Можно спросить, как вы догадались?»

«Ну, кхм... Здесь полно символов: картины, обивка, лепнина на плафоне... Каждый предмет, каждая деталь призва-

ны выражать блеск и величие республиканской власти. Выбранная вещь Делакруа, фотография Кеннеди на обложке книги, которая лежит на подставке, – все нагружено смыслом. Но символ обретает значение, только если он виден. На дне шкатулки он бесполезен, и я даже больше скажу: его просто нет.

В то же время полагаю, что в этом помещении лампочки и отвертки вы не храните. Мне показалось маловероятным, чтобы в шкатулках лежали инструменты. А если бы в них были скрепки или скоросшиватель, то они находились бы на вашем рабочем столе, под рукой. Получается, что их содержимое не символично и не функционально. Но так не бывает: должно быть хотя бы что-то одно. Вы могли бы держать там ключи, но, наверное, в Елисейском дворце двери открывает и закрывает не президент, ключи от машины вам не нужны, поскольку у вас шофер. Выходит, осталось единственное решение: потаенный символ, который сам по себе здесь ничего не значит, но работает вне этих стен – миниатюрное и мобильное выражение того, что символизирует это пространство, а именно – величие республики. То есть знак, а учитывая особенность места, весьма вероятно – орден Почетного легиона. Хм...»

Жискар с Байяром понимающе переглядываются: «Кажется, я знаю, что вы хотите сказать, комиссар».

Хамед потягивает ликер «Малибу» с апельсиновым соком и рассказывает истории из своей марсельской жизни; собеседник ловит его слова, но на самом деле не слушает. Знакомый взгляд кокер-спаниеля: этим субъектом Хамед может вертеть как хочет, поскольку внушает ему отчаянное желание обладать собой. Наверное, он отдастся (хотя не факт) и, пожалуй, найдет в этом некоторое удовольствие, но все-таки уступающее превосходству, которое дает роль объекта вождения, и в этом преимущество, когда ты молод, красив и беден: можно спокойно, без зазрения совести презирать тех, кто готов так или иначе платить за обладание.

Вечер в разгаре, и знакомое чувство, что он чужой в этой большой небедной квартире в центре столицы на исходе зимы, наполняет его нехорошей пьянящей радостью. Украденное вдвое ценнее того, что заработано потом и кровью, так что он возвращается к буфету – сделать тартинки с тапенадой, отдаленно напоминающие ему о юге, – и пробирается среди гостей, ритмично раскачивающихся под «Gaby, oh Gaby» в исполнении Башунга⁵⁷. Он видит Слимана – тот отправляет в рот пирожки с улитками и заставляет себя сме-

⁵⁷ Ален Башунг (Alain Bashung, 1947–2009) – популярный французский эстрадный певец. Песня «Gaby, oh Gaby», впервые исполненная в 1980 г., сделала его известным.

яться над шутками пузатого издателя, который исподтишка лапает его за задницу. Рядом молодая женщина покатывается со смеху, нарочито запрокинув голову: «Тут он тормозит... и дает задний ход!» У окна Саид курит косяк в компании какого-то черного, смахивающего на дипломата. Колонки ухают на первых аккордах «One Step Beyond»⁵⁸, и комната содрогается в наигранной истерии: все вопят, словно музыка привела их в экстаз, словно по телам прошла волна кайфа, словно психоз – преданный пес, которого в какой-то момент проглядели, а теперь он вернулся и машет хвостом, словно можно утратить способность думать или ощущать время в четком инструментальном ритме грассирующего саксофона. Затем – несколько песен в стиле диско, для настроения. Хамед кладет на тарелку табуле с трюфелями и прикидывает, кто из гостей мог бы угостить его кокаиновой дорожкой или хотя бы поделиться спидами. И то и другое будит охоту трахаться, правда от спидов стояк более вялый, но, думается ему, это не беда. Надо продержаться как можно дольше, чтобы не возвращаться к себе. Хамед подходит к окну, где стоит Саид. На углу бульвара Генриха IV фонарь освещает рекламный билборд: Серж Генсбур в костюме, при галстукe и надпись: «„Байяр“ меняет мужчину! Не так ли, месье Генс-

⁵⁸ Название дебютного студийного альбома и вошедшей в него одноименной композиции британской группы «Madness». Альбом был записан в ноябре 1979 г.

бур?»⁵⁹ Хамед где-то слышал эту фамилию, но память его подводит, а он скрытый ипохондрик, поэтому идет за новым бокалом и для тренажа проговаривает вслух свой распорядок дня за последний год. Слиман рассматривает серию литографий на стене – на них изображены собаки всех цветов радуги, которые едят из мисок, наполненных долларовыми купюрами, – и делает вид, что не замечает пузатого издателя, а тот теперь трется о его бедра и дышит в затылок. Из колонок вырывается голос Крисси Хайнд, заставляя всех раскисших гостей взбодриться – им не помешает. Два косматика обсуждают отдавшего концы Бона Скотта⁶⁰ и здорового дальнобойщика в кепке, который может заменить его в «АС/DC». Парень с косым пробором, в костюме и развязанном галстуке очень возбужден и рассказывает всем желающим новость «из надежного источника»: Марлен Жобер⁶¹ в «Войне полиций» показывает грудь. Говорят также, что Леннон готовит сингл с Маккартни. Жиголо, имя которого Хамед забыл, спрашивает, нет ли у него травки, и мимоходом ерничит: мол, тусовка с откровенно «левобережным душком», а затем показывает в окно на крылатого гения, венчающего Июльскую колонну: «Знаешь, в чем проблема, чувак?

⁵⁹ Описанный билборд использовался в одной из рекламных кампаний «Bayard» – марки деловой и повседневной мужской одежды, существующей с 1925 г.

⁶⁰ Бон Скотт (Bon Scott, 1946–1980) – рок-музыкант; фронтмен группы «АС/DC».

⁶¹ Марлен Жобер (Marlène Jobert, р. 1940) – французская актриса.

Я за то, чтобы играть в якобинцев, но всему есть предел». Кто-то роняет на ковер бокал с синим кюрасо. Хамед раздумывает, не вернуться ли в Сен-Жермен, но Саид показывает в сторону ванной, куда одновременно проникают две девицы и какой-то папик. Всем ясно, что там будут не трахаться, а нюхать (хоть папик и делает многозначительный вид: даже если ни одна не даст, пусть все думают, что у него в руках не только синица), отсюда следует, что, если подойти к делу с умом, можно выторговать себе дорожку, а то и две. Кто-то спрашивает у лысеющего усача, не Патрик Девер⁶² ли он. Чтобы отделаться от пузатого издателя, Слиман хватается за блондинку в джинсах в обlipку и крутит с ней рок-н-ролл под «Sultans of Swing» в исполнении «Dire Straits»⁶³. Пузатый издатель изумленно смотрит, как парочка выписывает кренделя, и пытается соединить во взгляде иронию с благодушием для соответствующего выражения, которым, впрочем, никого не обманешь. Как и все мы, он одинок, но не умеет это скрывать, и его почти не замечают – разве что кто-нибудь обращает внимание, как плохо он справляется с одиночеством. Слиман не отпускает партнершу на вторую песню, «Upside Down» Дайаны Росс. Фуко появляется на вече-

⁶² Патрик Девер (Patrick Dewaere, 1947–1982) – французский актер, певец и композитор.

⁶³ «Dire Straits» – британская рок-группа, основанная в 1977 г. Среди ее основателей был музыкант, певец и композитор Марк Нопфлер (Mark Knopfler, р. 1949); «Sultans of Swing» («Султаны свинга») – популярная песня группы.

ринке с Эрве Гибером⁶⁴ под рифф, которым у «The Cure» начинается «Killing the Arab»⁶⁵. На нем объемная кожаная куртка, черная, с цепями, он порезался, когда брил голову. Гибер молод и красив, красота его настолько карикатурна, что считать его писателем невозможно – во всяком случае, если ты парижанин. Саид и Хамед барабанят в дверь ванной, пытаюсь уломать тех, кто засел внутри, несут полную фигню, выдумывают немыслимые предлоги, но дверь не открывается, хоть ты тресни, а изнутри доносятся лишь приглушенные звуки: металл, эмаль, втягиваемый воздух... Standing on a beach, with a gun in my hand...⁶⁶ Куда бы Фуко ни пришел, среди присутствующих он вызывает возбужденный трепет, за исключением разве что тех, кто переборщил со спидами: эти скачут себе и думают, что песня – про пляж и лето: Staring at the sea, staring at the sand...⁶⁷ Дверь ванной открывается, девицы и папик выходят, смерив взглядом Саида и Хамеда, и, не стесняясь, шмыгают носом; смотрят сверху вниз, как все светские наркоманы, если их мозг еще не купа-

⁶⁴ Эрве Гибер (Hervé Guibert, 1955–1991) – французский литератор, фотограф, журналист, который в 1990 г. представил Фуко в образе Мюзилля, героя своего романа «Другу, который не спас мне жизнь», и одним из первых в литературе затронул тему смерти от СПИДа.

⁶⁵ «Killing an Arab» («Убить араба») – название дебютного сингла группы «The Cure» и одноименной композиции из него, мотивы которой подсказаны повестью Альбера Камю «Посторонний».

⁶⁶ «Стоять на пляже с пистолетом в руке...» (англ.) Здесь и далее до конца главы цитируются строки песни «Killing an Arab».

⁶⁷ «Смотреть на море, смотреть на песок...» (англ.)

ется в литрах серотонина, запасы которого с каждым годом и месяцем будут восполняться все медленнее. I'm alive, I'm dead...⁶⁸ Фуко в центре успешного образоваться круга что-то рассказывает молодому Гиберу и как будто не замечает бурления, вызванного его присутствием, продолжая разговор, начатый еще до того, как они вошли: «В детстве я хотел стать золотой рыбкой. Мама говорила: „Ну нет, зайчик, это невозможно, ты боишься холодной воды“». Голос Роберта Смита: I'm the stranger!⁶⁹ Фуко: «От замешательства я словно летел в бездну, повторяя: ну хотя бы на секундочку, так хочется узнать, о чем она думает...» Роберт Смит:...Killing an Arab!⁷⁰ Саид и Хамед решают попытать счастья в другом месте – может быть, в «Ла Ноче». А Слиман возвращается к пузатому издателю: как ни верти, а питаться надо. Staring at myself, reflected in the eyes...⁷¹ Фуко: «Кто-то должен будет признаться. Кто-нибудь всегда признается...» Роберт Смит:...of the dead man on the beach...⁷² Гибер: «Он лежал голым на диване, и ни одной работающей телефонной будки...» The dead man on the beach... «А когда наконец нашел, обнаружил, что у него нет жетона...» Хамед снова смотрит на улицу

⁶⁸ «Я жив, я мертв...» (англ.)

⁶⁹ Я посторонний! (англ.); Роберт Джеймс Смит (Robert James Smith, р. 1959) – лидер группы «The Cure».

⁷⁰ ...Убить араба! (англ.)

⁷¹ Смотреть на свое отражение в глазах... (англ.)

⁷² ...мертвеца на берегу... (англ.)

через занавеску, видит припаркованный внизу черный DS и говорит: «Я побуду еще немного». Саид закуривает, их силуэты четко вырисовываются на фоне окна, освещенного огнями этого праздника жизни.

«Жорж Марше, да плевать всем на Жоржа Марше, неужели не ясно!»

Даниелю Балавуану⁷³ удалось наконец взять слово, которое отберут меньше чем через три минуты, по-хорошему или по-плохому, он это знает и шпарит, как из пулемета, произнося свой нервный монолог: политики – старперы, коррупционеры и ни черта не умеют.

«Я не о вас, месье Миттеран».

Хотя как сказать.

«Вот хотелось бы знать... было бы интересно... кому рабочие-мигранты платят за жилье то, что приходится платить... Хотелось бы знать... Кто смеет каждый месяц требовать семьсот франков с рабочих-мигрантов за помойки и конуры, где они живут?..» Сумбурно, нескладно, с кучей речевых ошибок, чересчур быстро – и блестяще.

Журналисты, как всегда, ничего не понимают и возмущаются, когда Балавуан упрекает их за то, что они не приглашают молодежь (вполне ожидаемая риторическая насмешка: как же, вот доказательство – ведь ты здесь, охламон!).

Миттеран-то прекрасно понял, что происходит. Этот сопливый говнюк пытается показать, кто они на самом деле –

⁷³ Даниель Балавуан (Daniel Balavoine, 1952–1986) – французский певец и композитор.

сам Миттеран, журналисты за столом и все им подобные: старые маразматика, так давно загнившие в своем междусобойчике, что для остального мира успели умереть и даже не заметили этого. Он пробует согласиться с рассерженным юнцом, но, сколько ни пытается вставить слово, каждый раз в репликах слышатся неуместные патерналистские нотки.

«Я пытаюсь просмотреть свои записи... В любом случае могу вас предупредить...» Миттеран вертит в руках очки, покусывает губы – в кадре, в прямом эфире – катастрофа! «Могу вам сказать, что безысходность мобилизует и как мобилизатор она опасна».

Журналист, с нотой садистской иронии: «Месье Миттеран, вы хотели диалога с представителем молодежи и выслушали его с большим вниманием». Ну давай, выкручивайся.

И Миттеран барахтается изо всех сил: «Мой самый живой интерес в том, чтобы такой образ мыслей... отклик на происходящее... и да, способ самовыражения... ведь Даниель Балавуан выражает себя также в текстах и музыке... имели право на существование... чтобы этот посыл был услышан, а значит, понят». Ну-ну, пыхти, пыхти. «Да, он высказывает это по-своему! И отвечает за свои слова. Это гражданин. Такой же, как все».

19 марта 1980 года, мы в информационной студии канала «Антенн-2», 13 часов 30 минут, Миттерану до фи́га лет.

О чем, умирая, может думать Барт? Кто-то скажет: о матери. Это она его доконала. Ну конечно, как же иначе – дела семейные, скелет в шкафу. Как говорит Делез, у всех есть бабушка, с которой произошло такое, что хоть стой, хоть падай, и что с того? «Он скорбит». Да, господа, именно скорбь сведет его в могилу. Жалкие французские мыслители, ваш взгляд зашорен, и мир сводится для вас к сфере частного со всей ее мелочностью, банальностью, эгоцентричной пошлятиной. Какая там энигма, таинство, все списывается на маму – вашу мать истины. Двадцатый век избавил нас от Бога и отвел его место матери. Обставлено – зашибись. Но Барт думает не о ней.

Если бы вы могли войти в его ватные грезы, вы бы знали: человек, который вот-вот умрет, думает о том, кем он был, но особенно – о том, кем он мог бы стать, о чем же еще? У Барта в голове не вся жизнь – только последнее происшествие. Кто заказчик всей этой операции? Он вспоминает, что к нему прикасались. И после этого исчез документ. Кто бы это ни заказал, мы, вероятно, стоим на пороге невиданной катастрофы. А ведь он, Ролан-маменькин-сынок, мог бы извлечь из этого пользу: немного себе, остальное – миру. Наконец-то он победил робость! И такой переплет! Даже если он выкарабкается, праздновать будет поздно.

Ролан не думает о матери. Здесь все не так, как в «Психо»⁷⁴.

О чем же он думает? Может, перед ним вереницей проходят воспоминания о вещах сугубо личных, или незначущих, или известных ему одному? Как-то вечером – или это был еще день? – он ехал в такси со своим американским переводчиком, который оказался в Париже проездом, и с Фуко. Вот все трое на заднем сиденье, переводчик в центре, Фуко, как обычно, превращает беседу в монолог и говорит, говорит, оживленно, уверенно и гундосо – так говорили в прежние времена; как всегда, он все держит под контролем и с ходу прочитывает целую лекцию, объясняя, почему терпеть не может Пикассо, до какой степени Пикассо ничтожен, и, конечно, смеется, а молодой переводчик смиренно слушает – это у себя в стране он писатель и поэт, а здесь с почтением внимает двум блестящим французским интеллектуалам, и Барт давно знает, что ему не переплюнуть словоохотливого Фуко, но все же надо что-то сказать, чтобы не пасовать, и, пытаясь выиграть время, он тоже смеется, но понимает, что его смех звучит неестественно, и ему неловко за это чувство неловкости, такой вот порочный круг, он всю жизнь с этим сталкивался, а ему так нужна уверенность Фуко, ведь даже перед студентами, которые с благоговением его слушают, он скрывает робость за профессорским тоном, а уверенность

⁷⁴ Фильм Альфреда Хичкока, в котором присутствует тема непростых взаимоотношений сына и матери.

чувствует и действительно уверен в себе, только когда пишет, оставшись один, спрятавшись за листом бумаги и всеми своими книгами – Прустом, Шатобрианом; Фуко продолжает рассуждать о Пикассо, и тогда Барт, чтобы не остаться в долгу, говорит, что он тоже, да, он тоже ненавидит Пикассо, и, произнося это, ненавидит себя, потому что прекрасно видит, что происходит, работа у него такая – видеть происходящее, он унижается перед Фуко, и, конечно же, молодой красивый переводчик отдает себе в этом отчет, Барт шлет Пикассо плевков, нет, робкий такой плевочек, а Фуко, тот хочет во всю глотку, Барт согласен, что Пикассо – дутая величина, говорит – никогда не понимал, что в нем находят, и откуда мне теперь знать, что это не было искренне, ведь зачем кривить душой – Барт прежде всего был классиком и, в сущности, не любил современность, но, в конце концов, какая разница: даже если бы он терпеть не мог Пикассо, ясно, что суть не в этом, главное – не уступить Фуко, а коль скоро Фуко рвется в иконоборцы, он выглядел бы старым ослом, если бы стал спорить, и поэтому сейчас, пусть и вправду недолюбливая Пикассо, он шельмует и осмеивает его, сидя в такси, которое на кой-то ляд везет его бог знает куда.

Быть может, так Барт и умер: вспоминая ту поездку в такси, он закрывает глаза и засыпает в печали – эта печаль никогда не покидала его, с матерью или без, а еще, возможно, нет-нет да возникает мысль о Хамеде. Что с ним будет? И с тайной, хранителем которой он стал? Барт медленно, плавно

погружается в свой последний сон, и, по правде говоря, это даже в чем-то приятно, но, пока его телесные функции одна за другой угасают, сознание продолжает блуждать. Куда еще увлекает его эта последняя греза?

Да, зря он не сказал, что не любит Расина. «Французы не устают гордиться тем, что у них был свой Расин (с двумя тысячами слов в запасе), но их ничуть не огорчает отсутствие своего Шекспира». Вот что впечатлило бы молодого переводчика. Но Барт написал это гораздо позже. Ах, если бы тогда он владел функцией...

Дверь в палату медленно открывается, но Барт в своем сне-забытьи этого не слышит.

Это неправда, что он «классик»: в глубине души он не любит чопорность XVII века с его отточенным александрийским стихом, чеканными афоризмами, осмысленными страстями...

Он не слышит приближающихся к кровати шагов.

Конечно, это были корифеи риторики, но ему не нравится их холодность, почти бесплотность. Расиновские страсти, фи, эка невидаль! Федра – еще куда ни шло, сцена признания в сослагательном плюсквамперфекте, выполняющем функцию прошедшего условного, допустим, это сильно, Федра, переделавшая сюжет, отведя себе место Ариадны, а Ипполиту – место Тесея...

Он не знает, что кто-то наклоняется над его электрокардиографом.

А Береника? Тит Беренику не любил, это ясно как день. Попросту говоря, корнелевщина...

Он не видит силуэт того, кто шарит в его вещах.

Лабрюйер – совсем школяр. Паскаль – тот хотя бы вел диалог с Монтенем, Расин – с Вольтером, Лафонтен – с Валери... А кому охота обмениваться мыслями с Лабрюйером?

Он не чувствует, что рука осторожно поворачивает регулятор прибора искусственного дыхания.

Ларошфуко, вот он – да. В конце концов, «Максимум» Барт многим обязан. Семиолог, опередивший время, – как умело он расшифровывал человеческую душу по знакам нашего поведения... Поистине величайший аристократ во французской литературе... Барт словно видит принца де Марсильяка⁷⁵, который гордо держится в седле рядом с Великим Конде⁷⁶ у стен предместья Сент-Антуан, под огнем солдат Тюренна, и думает: черт возьми, какой прекрасный день для смерти...

Что происходит? Он не может дышать. В горле внезапный спазм.

Но Великая Мадемуазель⁷⁷ распахнет городские ворота,

⁷⁵ Принц де Марсильяк – титул учтивости, который носил французский литератор и моралист Франсуа де Ларошфуко (François de La Rochefoucauld, 1613–1680).

⁷⁶ Людовик II де Бурбон, принц де Конде, или Великий Конде (Louis de Bourbon, prince de Condé, 1621–1686) – французский полководец, представитель высшей аристократии.

⁷⁷ Анна Мария Луиза Орлеанская, герцогиня де Монпансье (Anne Marie Louise

чтобы впустить войска Конде, и Ларошфуко, который был ранен в оба глаза и временно утратил зрение⁷⁸, на этот раз все же не умрет, к нему вернутся силы...

Он открывает глаза. И видит в ослепительном ореоле очерченный силуэт – это она, Святая Дева? Он задыхается, хочет позвать на помощь, но из его уст не вылетает ни звука.

К нему ведь вернутся силы? Да?

Она ласково улыбается и держит его голову на подушке, чтобы он не поднялся, хотя ему и без того не хватает сил. На этот раз время пришло, он это знает и не хочет противления, но его тело помимо воли бьется в судорогах, тело хочет жить, мозг в панике ищет источник кислорода, не поступающего в кровь, сердце колотится от последнего выброса адреналина, затем замедляется.

«Любить, страдать и умирать, не преставая»⁷⁹. Последняя его мысль выражена корнелевским александрийским стихом.

d'Orléans de Montpensier, 1627–1693) – французская принцесса, племянница Людовика XIII, известная как участница Фронды и автор содержательных с исторической точки зрения мемуаров.

⁷⁸ Описывается эпизод Фронды – сражение принца Конде с королевскими войсками в парижском предместье Сент-Антуан 2 июля 1652 г., в котором Ларошфуко принимал участие.

⁷⁹ Цитата из трагедии Пьера Корнеля «Сурена», ставшей последним произведением драматурга.

Информационный выпуск, 26 марта 1980 года, 20 часов, Патрик Пуавр д'Арвор⁸⁰, он же П.П.Д.А.: «Добрый вечер, дамы и господа, много сообщений, которые... (держит паузу) касаются нашей повседневной жизни. Некоторые – более радужные, другие – менее, но насколько – судите сами. (В квартире недалеко от площади Клиши усевшийся в кресле Делез, который никогда не пропускает новости, отвечает ему вслух: «Спасибочки!»)

20:01. «Начнем с роста цен в феврале: 1,1 %. „Не слишком хороший показатель“, – прокомментировал министр экономики Рене Монори, но лучше, однако (...хуже некуда, думает П.П.Д.А., и на рю де Бьевр, у себя, перед телевизором, Миттеран думает точно так же), чем в январе: 1,9 %. Это лучше, чем в США и в Великобритании и... на одном уровне с Западной Германией». (При упоминании немецкого соперника Жискар, визирующий документы в кабинете Елисейского дворца, невольно хмыкает, не поднимая глаз. Хамед в свой каморке собирается выходить, но никак не может отыскать второй носок.)

20:09. «Волна забастовок перекинулась на сферу образования, уже завтра, по призыву Национального профсоюза

⁸⁰ Патрик Пуавр д'Арвор (Patrick Poivre d'Arvor, р. 1947) – французский журналист и телеведущий.

преподавателей, учителя Парижа и Эссонна будут протестовать против сокращения количества классов в следующем учебном году». (Соллерс, на диване, с китайским пивом в одной руке и пустым мундштуком в другой, ругается: «Страна бюрократов!...» Кристева, из кухни, отвечает: «Я сделала соте из телятины».)

20:10. «И вот наконец новость, несущая, с позволения сказать, „глоток воздуха“ (Симон закатывает глаза): за семь лет во Франции значительно снизился уровень загрязнения атмосферы, по словам Мишеля д’Орнано, министра окружающей среды, серные выбросы снизились на тридцать процентов, а показатель оксида углерода – на сорок шесть». (Миттеран пробует с отвращением поморщиться, но по большому счету это не меняет обычного выражения его лица.)

20:11. «К событиям за рубежом – о том, что происходит сегодня в Чаде... в Афганистане... в Колумбии...» (Страны меняются, никто не слушает, кроме Фуко. Хамед находит носок.)

20:12. «Довольно неожиданная победа Эдварда Кеннеди на праймериз в штате Нью-Йорк...» (Делез берет телефон и набирает номер Гваттари. Байяр дома, перед включенным телевизором, гладит рубашки.)

20:13. «Повысилось количество происшествий на дорогах, об этом сообщает сегодня национальная жандармерия: в минувшем семьдесят девятом году – двенадцать тысяч четыреста восемьдесят смертей и двести пятьдесят тысяч ава-

рий... можно считать, что в этих авариях за год мы потеряли целый город – такой, как Салон-де-Прованс. (Хамед задается вопросом, почему именно Салон-де-Прованс.) В преддверии пасхальных каникул цифры заставляют задуматься...» (Воздев указательный палец, Соллерс восклицает: «Задуматься!.. Задуматься, слышишь, Юлия?.. Это же потрясающе!.. Цифры заставляют задуматься, ха-ха!..» «К столу!» – откликается Кристева.)

20:15. «Дорожное происшествие, которое могло возыметь особо серьезные последствия: вчера грузовик, перевозивший радиоактивные материалы, столкнулся с другим тяжеловозом и перевернулся, упав в кювет. Радиоактивной утечки не произошло благодаря эффективной системе безопасности». (Миттеран, Фуко, Делез, Альтюссер, Симон, Лакан покатываются со смеху, каждый перед своим телевизором. Байяр закуривает и продолжает гладить.)

20:23. «А теперь к интервью Франсуа Миттерана газете „Ла Круа“ – его лаконичные высказывания войдут в историю (у Миттерана довольная улыбка): „Жискар остается верен клану, классу, касте. В итоге – шесть лет топтания на месте и танцев живота перед Золотым тельцом. Срынь, как говорил Убю⁸¹“. („Так сказал Франсуа Миттеран“, – уточняет П.П.Д.А.; Жискар закатывает глаза.) Это что касается президента. Теперь о Жорже Марше и его „банде трех“, итак: „Когда Марше в ударе, – любит повторять Франсуа Миттеран, –

⁸¹ Альфред Жарри. «Король Убю». Перевод С. Дубина.

он уморительный комик“. (Альтюссер у себя в квартире на рю д’Ульм пожимает плечами. И кричит жене, она на кухне: „Ты слышала, Элен?“ Ответа нет.) Наконец, отвечая на вопрос о возможном альянсе Миттеран—Рокар внутри партии социалистов, Франсуа Миттеран отграничился... (оговорка, но П.П.Д.А., глазом не моргнув, тут же поправляется) ограничился таким ответом: у этого американского выражения нет аналога в языке французской системы».

20:24. «Ролан Барт у... (пауза) умер сегодня днем в парижском госпитале Питье-Сальпетриер. (Жискар прекращает визировать документы, Миттеран прекращает морщиться, Соллерс прекращает орудовать мундштуком у себя в штанах, Кристева прекращает перемешивать соте из телятины и выбегает из кухни, Хамед прекращает натягивать носок, Альтюссер прекращает попытки не разругаться с женой, Байяр прекращает гладить рубашки, Делез говорит Гваттари: „Я перезвоню“, Фуко прекращает размышлять о био-власти, Лакан продолжает затягиваться сигарой.) Месяц назад писатель и философ стал жертвой дорожного происшествия. Ему было... (пауза) шестьдесят четыре года. Известность ему принесли труды, посвященные современному письму и способам коммуникации. Бернар Пиво⁸² принимал его в программе „Апострофы“, Ролан Барт представлял свою

⁸² Бернар Пиво (Bernard Pivot, р. 1935) – французский журналист, ведущий культурных программ на телевидении; с 2014 г. – президент Гонкуровской академии.

книгу „Фрагменты любовной речи“, которую ждал большой успех (Фуко закатывает глаза); в отрывке, который вы увидите, он раскрывает социологический аспект (Симон закатывает глаза) связи сентиментальности... (пауза) и сексуальности. (Фуко закатывает глаза.) Слушаем его». (Лакан закатывает глаза.)

Ролан Барт (голос Филиппа Нуаре): «Я настаиваю, что субъект, – и говорю „субъект“, чтобы заранее не обозначать... э... пол этого субъекта, да?.. – только если субъект влюблен... э-э... так вот, ему действительно будет очень нелегко... э... преодолеть своего рода чувственное табу, тогда как табу сексуальности сегодня легко нарушается».

Бернар Пиво: «Потому что от любви глупеют?» (Делез закатывает глаза. Миттеран думает, что надо позвонить Мазарин⁸³.)

Ролан Барт: «Ну... да, в каком-то смысле, так принято думать. Влюбленному субъекту приписывают два свойства, точнее сказать, два отрицательных свойства: первое – это подчас глупое, нелепое поведение, ведь влюбленный и правда нелеп, и сам, кстати, это чувствует, а еще у влюбленных случается помешательство, и народная молва без конца об этом твердит! – только это смиренное помешательство, да? – ему далеко до настоящего трансгрессивного психоза». (Фуко опускает глаза и улыбается.)

⁸³ Мазарин Мари Пенжо (Mazarine Marie Pingeot, р. 1974) – внебрачная дочь Франсуа Миттерана.

Конец фрагмента. П.П.Д.А. продолжает: «Ну вот, как мы теперь знаем... э... я обращаюсь к Жан-Франсуа Кану⁸⁴... э... Ролана Барта увлекало буквально все, он мог говорить о чем угодно... э... мы видели его даже в кино... как актера... совсем недавно... э... можно ли сказать, что он был всеядным?» (Точно, – вспоминает Симон, – у Тешине в «Сестрах Бронте» он сыграл Теккеря, роль проходная, его талантом не была обезображена.)

Ж.-Ф. Кан (в большом возбуждении): «В общем-то, со стороны действительно кажется, что он всеяден! Да, он занимался... э... э... он писал о моде, о галстуках, о чем угодно, о вольной борьбе!.. Писал о Расине, о Мишле, о фотографии, о кино, о Японии – да, это всеядность! (Соллерс ухмыляется. Кристева сурово зыркает на него.) Но и цельность. Взять его последнюю книгу. О любовной речи... о языке любви... так вот, на самом деле Ролан Барт всегда писал о языке! И получается, что... его галстук... наш галстук – это фигура речи. (Соллерс, слегка возмущенно: „Фигура речи... Да что ты!..“) Такая форма выражения, манера. Мотоцикл – это способ самовыражения общества. Кино – тем более! И фотография тоже. То есть, по сути, Ролан Барт – человек, который всю жизнь гонялся за знаками!.. Знаками, которыми объясняется общество, общность. Которыми выражает свои смутные, спутанные чувства, пусть даже неосознанно! В этом смысле

⁸⁴ Жан-Франсуа Кан (Jean-François Kahn, р. 1939) – французский журналист и литератор.

перед нами великий журналист. Впрочем, он был мэтром в науке, которая называется семиология, то есть наука о знаках.

Ну и конечно, это был великий литературный критик! Ведь здесь то же самое: что такое произведение? Через произведение происходит самовыражение автора. Ролан Барт показал, что в литературном произведении, по сути, три уровня: есть язык – Расин пишет по-французски, Шекспир по-английски, все это язык. Есть стиль: это их мастерство, их талант. Но между стилем – произвольным... э... его можно менять... и языком! – есть третий уровень – это письмо. А письмо, как он говорил, оно... политическое, в широком смысле, то есть как раз через письмо выражается... даже если писатель этого не осознает... кто он в обществе, его культура, корни, социальный класс, окружение... и даже если то, что он пишет, рождается само – ну, не знаю, допустим, у Расина: „Не лучше ли уйти, коль нечего сказать...“ – или просто случайная фраза... э, нет, не случайная! – говорит Барт. Но даже если скажет „случайная“ – это лукавство, в ней все равно что-то выражено».

П.П.Д.А. (который все пропустил мимо ушей, или ничего не понял, или глубоко плевал, с понимающим видом): «Потому что каждое слово тщательно препарировано!»

Ж.-Ф. Кан (не принимает пас): «И еще, еще, кроме того... что в Барте потрясающе – он писал, очень... математично, у него очень холодный слог, и в то же время он действи-

тельно сумел воспеть красоту стиля. И наконец, чтобы подвести итог, это очень значимая личность. В нем выразился дух нашего времени. Я объясню почему... потому что одни эпохи находят свое выражение в театре... э... ну да. (Здесь Кан выдавливая из себя нечто нечленораздельное.) Другие – в романе: например, пятидесятые годы, Мориак... э... Камю... э... и так далее. Но я думаю, что шестидесятые годы... во Франции... культурный дух Франции выразился в дискурсе о дискурсе. О дискурсе *на полях*. Мы, конечно, должны признать, что не создали по-настоящему значительных романов... наверное, нет... или пьес... лучше всего мы научились истолковывать то, что сказали и сделали другие, и тем самым заставили их говорить больше, с другим смыслом, придали динамизм прежнему дискурсу».

П.П.Д.А.: «На стадионе „Парк де Пренс“ вот-вот начнется футбольный матч, сборная Франции принимает команду из Нидерландов (Хамед выходит из квартиры, захлопывает дверь и спускается по лестнице): эта товарищеская встреча важнее, чем кажется на первый взгляд (Симон выключает телевизор), поскольку голландцы, как вы знаете, оказались неудачливыми финалистами двух последних кубков мира (Фуко выключает телевизор), а еще, и это главное, в следующем Кубке мира, который пройдет в восемьдесят втором году в Испании, Франция и Нидерланды выступают в одном квалификационном раунде. (Жискар снова визирует документы. Миттеран берет телефонную трубку и набирает

Жака Ланга⁸⁵.) Вы сможете увидеть этот матч в записи после заключительного выпуска новостей, который проведет Эрве Клод⁸⁶, ориентировочно в 22:50». (Соллерс и Кристева садятся за стол. Кристева делает вид, что смахивает рукой слезу, и произносит: «Жизнь пр-редъявляет свои пр-рава». Через два часа Байяр и Делез будут смотреть матч.)

⁸⁵ Жак Матье Эмиль Ланг (Jack Mathieu Émile Lang, р. 1939) – французский политик, член Социалистической партии; в период президентства Миттерана последовательно занимал посты министра культуры и министра образования Франции.

⁸⁶ Эрве Клод (Hervé Claude, р. 1945) – французский телевизионный журналист и литератор, автор ряда романов, писать которые начал в середине 1980-х гг.

Четверг, 27 марта 1980 года, Симон Херцог читает газету в баре, куда битком набился молодняк и кучкуется вокруг выпитой не один час назад чашки кофе, – я размещу это заведение на рю де ла Монтань-Сент-Женевьев, но вы и на этот раз можете перенести его куда угодно, это не имеет большого значения. Просто удобнее и логичнее, чтобы оно находилось в Латинском квартале, раз уж здесь молодежь. Есть небольшой английский pool⁸⁷, удары шаров звучат, как стук сердца в предвечернем гуле голосов. Симон Херцог тоже пьет кофе: по его личным психосоциальным представлениям, заказывать пиво еще рановато.

«Ле Монд», датированный пятницей, 28 марта 1980 года (ведь «Ле Монд» – это всегда окно в завтрашний день), посвятил первую полосу «антиинфляционному» бюджету Тэтчер (в котором – сюрприз, сюрприз! – предусмотрено «сокращение государственных расходов») и гражданской войне в Чаде, но о кончине Барта все же упомянуто внизу справа. Прощальная реплика литературного обозревателя Бертрана Пуаро-Дельпеша⁸⁸ начинается словами: «Через двадцать лет после того, как душа Камю навсегда упокоилась в автомо-

⁸⁷ Бильярд (англ.).

⁸⁸ Бертран Пуаро-Дельпеш (Bertrand Poirot-Delpech, 1929–2006) – французский журналист и литератор, с 1986 г. – член Французской академии.

бильном бардачке, литература принесла слишком жестокую жертву хромированному божеству!..» Симон перечитывает фразу несколько раз, поглядывая в зал.

Два парня лет двадцати бьются за бильярдным столом – напоказ перед какой-то девчонкой, дай бог совершеннолетней. Симон машинально считывает расклад: парень, одетый получше, хочет малолетку, а она хочет другого парня, менее опрятного, с длинными и слегка сальными волосами, но его равнодушный вид с налетом развязности не позволяет сразу сказать, интересуется ли его малолетка, то есть изображает ли он безразличие из тактических соображений, в знак превосходства, связанного с его положением альфа-самца, который точно знает, что эта цыпа – его по праву, или ждет кого-то еще, покрасивее, построптивее, не такую тихоню, чтобы ему в масть (оба предположения нельзя назвать взаимоисключающими).

Пуаро-Дельпеш продолжает: «Барт принадлежит к числу тех, кто, вслед за Башляром⁸⁹, за тридцать лет значительно обогатил критику, но не как теоретик семиологии, которая по-прежнему остается туманной областью: он стал первопроходцем, вернувшим нам радость чтения». Семиолог Симон Херцог сердито рычит. Радость чтения – балабол! Туманная область семиология – да иди ты, придурок! Ну хо-

⁸⁹ Гастон Башляр (Gaston Bachelard, 1884–1962) – французский философ; наиболее известен исследованиями в области философии науки, искусства и психоанализа.

рошо, допустим... «Он стал не просто новым Соссюром – быть может, это новый Андре Жид». Симон брякает чашкой о блюдце, и на газету проливается кофе. Глуховатый звук так похож на удар шаров, что никто не обращает на него внимания, кроме малолетки, которая оборачивается. Симон встречается с ней взглядом.

Видно, что оба парня играют довольно скверно, но это не мешает им использовать бильярдный стол как сцену для спектакля: нахмуренные брови, покачивание головой, подбородки почти касаются сукна, стадии напряженного размышления воплощены в бесконечном описывании кругов, в технико-тактических калькуляциях точки удара белым шаром по цветному (также выбранному по каким-то изоэстетическим критериям), в отработке удара без касания (называется «лимаж», – вспоминает Симон) сильными, отрывистыми и чересчур быстрыми движениями, напоминающими одновременно об эротическом смысле партии и о недостатке опыта у игроков, а следом – сам удар, короткий и не настолько стремительный, чтобы скрыть неуклюжесть. Симон снова погружается в чтение «Ле Мوند».

Жан-Филипп Лека, министр культуры и коммуникаций: «Все его исследования в области письма и мысли велись ради того, чтобы проникнуть в человека, помочь нам глубже познать себя и улучшить жизнь в обществе». Чашка снова брякает, но на этот раз почти все под контролем. Симон смотрит, не обернется ли малолетка (она оборачивается). Види-

мо, в Министерстве культуры никто не сумел родить ничего лучше этой пошлятины. Симон задается вопросом, не стандартная ли это формулировка в том смысле, что она в принципе применима к любому писателю, философу, историку, социологу, биологу... Проникнуть в человека – браво, старик, во сказанул! Для Сартра, Фуко, Лакана, Леви-Стросса и Бурдьё можно уже ничего не сочинять.

Симону слышно, как парень, который лучше одет, спорит – не согласен с одним из правил: «Нет, при ошибке противника второй удар не добавляется, если ты загоняешь шар с первого». Факультет права, второй курс (или повторный первый). Судя по прикиду – куртке, рубашке, – Симон сказал бы: Ассас⁹⁰. Второй отвечает, упирая на каждое слово: «Окей, нет проблем, *cool*⁹¹, как скажешь. Мне по фигу. Без разницы». Психология, второй курс (или повторный первый), Сансье или Жюссё⁹² (видно, что для него это игра на домашнем поле). Малолетка изображает намек на улыбку, притворно-робкую, но с расчетом, что сигнал поймут. На ней двуцветные ботинки-«киккеры», джинсы с ярко-си-

⁹⁰ Имеется в виду Пантеон-Ассас – государственный юридический университет.

⁹¹ Да (*англ.*).

⁹² Сансье – неформальное название университета Париж III Новая Сорбонна, который расположен недалеко от станции метро «Сансье—Добантон» и примыкает к улице Сансье; Жюссё – университетский кампус в V квартале Парижа, где расположены университеты Париж VI (имени Пьера и Мари Кюри) и Париж VII (имени Дидро).

ними отворотами, прическа – «конский хвост» на резинке, курит она «Данхил-лайт»: современная литература, первый курс, Сорбонна или Новая Сорбонна, возможно, учиться пошла на год раньше других.

«Перед целым поколением он обозначил поле для анализа медийных источников информации, мифологии и языков. Произведения Ролана Барта останутся в наших сердцах как пламенный призыв к свободе и к счастью». Миттеран тоже не в восторге, но автор, по крайней мере, бегло упоминает области научных интересов Барта.

Бесконечная партия заканчивается, Ассас вырывает победу последним невероятным ударом (черный шар рикошетит от борта, как предписано несуществующим правилом, придуманным бретонскими пьянчугами, чтобы растянуть удовольствие) и вскидывает руки, изображая Борга; Сансье старается сохранить усмешку на лице, Сорбонна утешает Сансье, поглаживая его по руке, все притворяются, будто им весело, ведь это всего лишь игра.

КПФ⁹³ тоже разродилась заявлением: «Именно этому интеллектуалу, сосредоточившемуся в своем труде на переосмыслении воображаемого и коммуникативного, на удовольствии от текста и материальности письма, мы отдаем сегодня дань уважения». Симон мгновенно выделяет ключевой элемент фразы: отдаем дань «именно этому», имеется в виду – не тому, другому, интеллектуалу, хранившему

⁹³ Коммунистическая партия Франции.

нейтралитет, неангажированному, который мог пообедать с Жискаром или отправиться в Китай с друзьями-маоистами.

В бар входит еще одна девица: длинные кудри, кожаная куртка, «док-мартенсы», серьги в ушах, рваные джинсы. История искусств, первый курс, – думает Симон. Она целует небрежно одетого парня прямо в губы. Симон внимательно наблюдает за малолеткой с «конским хвостом». И читает в ее профиле досаду, сдерживаемый гнев, накотившее непреодолимой волной чувство собственной неполноценности (беспочвенное, разумеется), а в уголке рта безошибочно различает признаки внутренней борьбы: горечь против презрения. Они вновь встречаются взглядами. Глаза малолетки на миг озаряют все вокруг неопишуемой вспышкой. Она встает, направляется к нему, наклоняется над столом, смотрит ему прямо в лицо и произносит: «Тебе чего, козел? Хочешь мою фотку?» Симон смущенно бормочет что-то невразумительное и погружается в статью о Мишеле Рокаре.

Никогда еще славный городок Юрт не принимал столько парижан. Поездом до Байонны они приехали на похороны. На кладбище ледяной ветер и льет как из ведра, все сбились в тесные небольшие группы, никому и в голову не пришло прихватить зонт. Байяр тоже проделал этот путь, снова притащив с собой Симона Херцога, и сейчас они рассматривают насквозь промокших обитателей сен-жерменских джунглей. Мы в семистах восьмидесяти пяти километрах от «Флоры», и когда видишь, как Соллерс нервно покусывает мундштук, а Б.А.Л. застегивает пуговичку на рубашке, начинаешь думать, что есть смысл не затягивать церемонию. Симону Херцогу и Жаку Байяру общими усилиями удастся опознать почти всех: одна группа – Соллерс, Кристева и Б.А.Л.; вот группа Юсеф, Поль и Жан-Луи; группа Фуко и Даниель Дефер, Матье Лендон, Эрве Гибер, Дидье Эрибон⁹⁴; факультетская группа: Тодоров, Женетт; венсенская группа: Делез, Сиксу, Альтюссер, Шатле⁹⁵; брат Мишель и его жена Рашель;

⁹⁴ Даниель Дефер (Daniel Defert, р. 1937) – французский социолог и общественный деятель, друг Мишеля Фуко и издатель его произведений; Жером Лендон (Jérôme Lindon, 1925–2001) – французский издатель, с 1948 г. возглавлявший издательство «Minuit»; Дидье Эрибон (Didier Eribon, р. 1953) – французский социолог и философ.

⁹⁵ Франсуа Шатле (François Châtelet, 1925–1985) – французский философ и историк.

издатель и студенты усопшего, Эрик Марти, Антуан Компаньон, Рено Камю⁹⁶, бывшие любовники, а также компания жиголо: Хамед, Саид, Гарольд, Слиман; киношники: Теши-не, Аджани, Мари-Франс Пизье, Изабель Юппер, Паскаль Греггори; близнецы в костюмах астронавтов в трауре (соседи, которые вроде бы работают на телевидении), и местные...

Его любил весь Юрт. У ворот кладбища из черного DS выходят двое и открывают зонты. Кто-то из присутствующих, заметив машину, восклицает: «Смотрите, „богиня“!» По толпе пробегает восхищенный гул, ведь это как дань памяти: под покровительством знаменитого «Ситроена» Барт опубликовал свои «Мифологии». «Думаете, убийца в толпе?» – шепчет Байяру Симон. Байяр не отвечает, он наблюдает за каждым присутствующим и полагает, что у всех здесь рыльце в пушку. Он знает: чтобы расследование продвинулось, ему надо понять, что искать. Что за ценность такая была у Барта: мало было ее украсть – вдобавок его самого порешили?

⁹⁶ Эрик Марти (Éric Marty, р. 1955) – литератор, профессор, издатель произведений Р. Барта; Антуан Компаньон (Antoine Compagnon, р. 1950) – французский историк литературы, критик и литератор; Рено Камю (Renaud Camus, р. 1946) – французский литератор и политический деятель.

Мы у Фабиуса⁹⁷, в его роскошной квартире рядом с Пантеоном: всюду, насколько я представляю, лепнина и паркет, выложенный венгерской елкой. Жак Ланг, Робер Бадентер, Режиc Дебре, Жак Аттали и Серж Моати⁹⁸ собрались, чтобы пройтиcь по сильным и слабым сторонам своего кандидата с точки зрения имиджа и – в ту пору термин еще казался несколько корявым – «общественных коммуникаций».

Первая колонка почти пуста. Все, что записал хозяин дома: *устроил генералу второй тур*⁹⁹. Причем с пометкой: было это пятнадцать лет назад.

Вторая колонка более содержательная. По степени возрастания важности:

⁹⁷ Лоран Пьер Эмманюэль Фабиус (Laurent Pierre Emmanuel Fabius, р. 1946) – французский политик, один из ближайших соратников Франсуа Миттерана; в годы его президентства, в середине 1980-х, самый молодой премьер-министр Пятой республики.

⁹⁸ Робер Бадентер (Robert Badinter, р. 1928) – французский юрист и политический деятель, в годы президентства Миттерана министр юстиции; Режиc Дебре (Régis Debray, р. 1940) – французский политический деятель и философ левого направления; Жак Аттали (Jacques Attali, р. 1943) – французский политический деятель, экономист, литератор, в 1991 г. первый глава Европейского банка реконструкции и развития; Серж Моати (Serge Moati, р. 1946) – французский телевизионный журналист и документалист.

⁹⁹ Имеются в виду президентские выборы 1965 г., на которых генерал де Голль не смог победить в первом туре из-за значительного процента голосов, отданных за Миттерана.

*Мадагаскар
Обсерватория
Алжирская война
слишком стар (дух Четвертой республики)
слишком выступающие клыки (цинник)
всегда проигрывает*

Удивительно, что о франциске, полученной из рук самого Петена, и об обязанностях – скромных, конечно, – которые он выполнял в Виши, ни разу не упоминалось ни в средствах массовой информации (эти, как всегда, в амнезии), ни в речах его политических противников (которым, видимо, неохота раздражать собственный электорат неприятными воспоминаниями). Разве что крайне правые, разбитые на мелкие группы, разносили слухи, которые новое поколение называет клеветой.

И все-таки... Что заставляет компанию молодых социалистов, блестящих, честолюбивых и, пожалуй, еще не утративших идеалы, осторожно мечтающих о светлом будущем, поддерживать это ископаемое из SFIO¹⁰⁰, последнего из FGDS¹⁰¹, реликт Четвертой республики, этого моллеиста¹⁰² – колониалиста-гильотинщика (45 казней в Алжире, пока он

¹⁰⁰ Section française de l'internationale ouvrière – французская секция рабочего Интернационала.

¹⁰¹ Fédération de la gauche démocrate et socialiste – федерация демократических и социалистических левых сил.

¹⁰² Т. е. последователя Ги Молле (Guy Mollet, 1905–1975), лидера SFIO в 1940–1960-х гг., занимавшего пост премьер-министра Франции в 1956–1957 гг.

был министром внутренних дел, а затем министром юстиции) – почему его, а не Рокара, который нравится Моруа, Шевенману¹⁰³, пользуется поддержкой такого поборника европейской интеграции, как Делор¹⁰⁴, и синдикалиста Эдмона Мэра?¹⁰⁵ «С Рокаром, – скажет Моати, – нам светил „самоуправляемый“ социализм плюс контроль за финансами». Но тот же Моати примкнул к Миттерану, когда он отчетливо сместил свой дискурс влево, извлекая урок из бардака 68-го, и завил: «Я верю в обобществление средств производства, инвестиций и товарообмена. Верю, что нужен сильный государственный сектор, способный быть двигателем всей экономики».

Рабочее совещание начинается. На широком лакированном деревянном столе у Фабиуса кофе и чай, печенье и фруктовые соки. Чтобы правильно оценить масштаб задачи, Моати извлекает на свет старую передовицу Жана Даниеля о Миттеране, вырезанную из «Нувель обсерватер» и датированную 1966 годом: «Такое впечатление, что этот человек не

¹⁰³ Пьер Моруа (Pierre Mauroy, 1928–2013) – политик-социалист, премьер-министр в 1981–1984 гг.; Жан-Пьер Шевенман (Jean-Pierre Chevènement, р. 1939) – французский политик, один из основателей Социалистической партии в ее современном виде.

¹⁰⁴ Жак Делор (Jacques Delors, р. 1925) – французский политический и европейский деятель, входивший в руководство Социалистической партии.

¹⁰⁵ Эдмон Мэр (Edmond Maire, 1931–2017) – французский профсоюзный деятель, возглавлявший CFDT, Французскую демократическую конфедерацию труда.

просто ни во что не верит: столкнувшись с ним, испытываешь чувство вины, если сам веришь во что бы то ни было. Он невольно внушает мысль о том, что нет ничего настоящего, что все есть грязь, а любые иллюзии непозволительны».

Сидящие за столом дружно признают, что придется плотно поработать.

Моати ест пальмито.

Бадентер защищает Миттерана: цинизм в политике – недостаток относительный, весьма хорошо сочетающийся с ловкостью и прагматизмом. В конце концов, мыслить, как Макиавелли, – не значит действовать в пресловутом макиавеллиевском духе. Компромисс – не обязательно сделка с совестью. В этом самая суть демократии, она требует гибкости и расчета. Собака Диоген был на редкость просвещенным философом.

«Хорошо, а Обсерватория?» – спрашивает Фабиус.

Ланг возражает: эта мутная история с мнимым покушением так и не прояснилась, все опирается на сомнительные показания бывшего голлиста, переметнувшегося к крайне правым и много раз менявшего свою версию событий. Была же все-таки машина Миттерана, изрешеченная пулями! Кажется, Ланг по-настоящему негодует.

«Ладно», – говорит Фабиус. Черт с ним, с мухлежом. Осталось последнее: он до сих пор не отличился ни особым обаянием, ни особым рвением в рядах социалистов.

Жак Ланг напоминает, что Жан Ко¹⁰⁶ назвал Миттерана пастором, а его социалистические убеждения – «изнанкой христианской веры».

Дебре, со вздохом: «Что за чушь».

Бадентер закуривает.

Моати ест шоколадное печенье.

Аттали: «Он решил повернуть руль влево. Думает, что иначе не оттеснить компартию. Но это отталкивает умеренно левых избирателей».

Дебре: «Нет, твой умеренно левый избиратель по мне – центрист. Или, по крайней мере, радикал в духе Валуа¹⁰⁷. Эти в любом случае голосуют за правых. Они жискарровцы».

Фабиус: «Включая левых радикалов?»

Дебре: «Естественно».

Ланг: «Ну а с клыками что?»

Моати: «Записали его к дантисту в Марэ. Сделает ему улыбку, как у Пола Ньюмана».

Фабиус: «А возраст?»

Аттали: «Это опыт».

Дебре: «Мадагаскар?»

Фабиус: «Плевать, все уже забыли».

Аттали уточняет: «Он был министром заморских терри-

¹⁰⁶ Жан Ко (Jean Cau, 1925–1993) – французский писатель, журналист; лауреат Гонкуровской премии.

¹⁰⁷ Имеется в виду Жорж Валуа (Georges Valois; настоящее имя Альфред-Жорж Грессан, 1878–1945) – французский политический деятель, в течение жизни придерживавшийся то праворадикальных, то левых взглядов.

торий в пятьдесят первом, резня случилась в сорок седьмом. Да, ляпнул несколько неудачных фраз, но руки у него не в крови».

Бадентер молчит. Дебре тоже. Моати пьет какао.

Ланг: «Но были съемки, где он в колониальном шлеме перед африканцами в набедренных повязках...»

Моати: «По телику их не покажут».

Фабиус: «Колониализм для правых – скользкая тема, они не захотят ее раскрывать».

Аттали: «Как и Алжирская война. Алжир – это прежде всего предательство де Голля¹⁰⁸. Большой вопрос. Жискар не станет рисковать голосами алжирцев».

Дебре: «А коммунисты?»

Фабиус: «Если Марше предъявит нам Алжир, то мы ему – мессершмитты¹⁰⁹. В политике, как и всюду, мало желающих ворошить прошлое».

Аттали: «А будет упираться – выкатим ему германо-советский пакт!»

Фабиус: «Хм, так, а что положительного?»

Молчание.

Все тянутся подлить кофе.

Фабиус закуривает.

¹⁰⁸ Имеется в виду признание де Голлем права Алжира на самоопределение (в частности, выступление 16 сентября 1959 г. и Эвианские соглашения, подписанные 19 марта 1962 г. и ознаменовавшие конец Алжирской войны).

¹⁰⁹ В 1940–1943 гг. Жорж Марше (Georges Marchais, 1920–1997) работал в Германии на заводах компании «Мессершмитт».

Жак Ланг: «У него имидж литератора».

Аттали: «Кому это надо? Французы голосуют за Баден-ге¹¹⁰, а не за Виктора Гюго».

Ланг: «Он прекрасный оратор».

Дебре: «Да».

Моати: «Нет».

Фабиус: «Робер?»

Бадентер: «Да и нет».

Дебре: «Он собирает толпы на митингах».

Бадентер: «Он побеждает, если успевает раскрыть свою мысль и уверен в себе».

Моати: «Но в телевизоре проигрывает».

Ланг: «Побеждает в разговорах с глазу на глаз».

Аттали: «Но не лицом к лицу».

Бадентер: «Он не в своей тарелке, если ему противостоят и возражают. Умеет аргументировать, но не любит, когда перебивают. Насколько красноречив на митингах, когда поддерживает толпа, настолько заумен и скупен с журналистами».

Фабиус: «Потому что в телевизоре он обычно презирует собеседника».

Ланг: «Не любит спешки, делает все размеренно, как по нотам. На трибуне подбирает тональность, распевается, приспособливается к аудитории. В телевизоре это невозможно».

Моати: «Телевизор ради него не изменят».

¹¹⁰ Прозвище Наполеона III.

Аттали: «Во всяком случае, не в нынешнем году. Вот когда придем к власти...»

Все: «...уволим Элькабаша!¹¹¹» (смех)

Ланг: «Хорошо бы он воспринимал телик как гигантский митинг. Пусть внушает себе, что за камерой стоит толпа».

Моати: «Но смотрите: красноречие на митинге – одно дело, а в студии получается куда хуже».

Аттали: «Он должен научиться говорить более коротко и ясно».

Моати: «Пусть учится. Готовится. Заставим его репетировать».

Фабиус: «Хм... чувствую, только этого ему не хватало».

¹¹¹ Жан-Пьер Элькабаш (Jean-Pierre Elkabbach, р. 1937) – французский журналист и телеведущий, модератор телевизионных дебатов. В период накануне выборов 1981 г. считался сторонником действующих властей.

Хамед не возвращался к себе уже дней пять, но теперь наконец решился: надо хоть посмотреть, не осталась ли где-нибудь чистая футболка, и вот, валясь с ног, он карабкается вверх – шесть с лишним этажей до каморки, где нельзя принять душ, потому что нет ванной, но можно хотя бы упасть на кровать и несколько часов отходить от физической и нервной усталости, от суетности мира и бытия, однако, поворачивая ключ в замке, он чувствует подозрительный люфт, понимает, что дверь вскрыли, осторожно толкает слегка поскрипывающую створку и по открывшейся картине догадывается: в комнате был шмон – кровать перетряхнули, ящики повыдергивали, плинтусы вдоль стен оторваны, его вещи разбросаны по паркетному полу, холодильник – настезь, на дверце – нетронутая бутылка «Банги»¹¹², зеркало над умывальником разбито вдребезги, банки с «Джини» и «Севен Ап» раскиданы по всем углам, журналы «Яхт мэгэзин», целая подборка, разорваны страница за страницей, как и история Франции в комиксах (издания о Французской революции и о Наполеоне, похоже, вообще исчезли), Пти Ларусс¹¹³ и

¹¹² «Банга» – марка, под которой производились напитки из апельсинов или тропических фруктов.

¹¹³ Пти Ларусс, или Малый Ларусс (Le Petit Larousse) – регулярно обновляемый французский энциклопедический словарь. Издается с 1905 г.; назван в честь

другие книги тоже перетрясли, кассеты с музыкой методично размотаны, а хай-файная установка частично развинчена.

Хамед скручивает обратно кассету «Supertramp», вставляет ее в гнездо и нажимает на «play» – проверить, работает ли. Затем падает на перевернутый матрас и засыпает с открытой дверью под первые аккорды «Logical Song», думая о том, что, когда он был юн, жизнь и ему казалась прекрасной, полной чудес и волшебства¹¹⁴, но даже если теперь все сильно изменилось, его все еще греет мысль, что он тут все-таки ни при чем и взятки с него гладки.

Пьера Ларусса (Pierre Larousse, 1817–1875), автора семнадцатитомного Большого универсального словаря XIX в. и основателя издательства, по-прежнему носящего его имя.

¹¹⁴ Парафраз первых строк «Logical Song».

Приличная очередь метров на десять образовалась перед входом в «Небоскреб», который охраняет суровый цербер, чернокожий и крепкий. Хамед замечает Саида и Слимана с каким-то шишковатым типом, который просит называть его Сержантом. Вместе они обходят очередь, здороваются с цербером по имени и говорят, что внутри их ждет Ролан... то есть нет, Мишель. Двери «Небоскреба» открываются. Внутри – странный пахучий букет, как будто смесь запахов конюшни, корицы с ванилью и рыболовного порта. Они встречают Жан-Поля Гуда¹¹⁵, который оставляет в гардеробе ремень, и по нему сразу видно: он уже под кайфом. Саид наклоняется к Хамеду и говорит: мол, нет, дальше терпеть Жискара нельзя, факт, жизнь слишком дорогая, а ему нужна доза. Слиман замечает в баре молодого Боно Вокса¹¹⁶. На сцене группа играет готик-рэгги, композиция аморфная и банальная. Сержант беззаботно пританцовывает, абсолютно не попадая в ритм ударной установки, Боно следит за ним с мрачным интересом. Ив Муруси¹¹⁷ дышит в пупок Грейс

¹¹⁵ Жан-Поль Гуд (Jean-Paul Goude, р. 1940) – французский художник, фотограф, рекламист. В то время был мужем певицы Грейс Джонс.

¹¹⁶ Боно или Пол Дэвид Хьюстон (Paul David Hewson, р. 1960) – ирландский рок-музыкант, вокалист и гитарист группы «U2».

¹¹⁷ Ив Муруси (Yves Mourousi, 1942–1998) – французский журналист, ведущий информационных программ на телевидении и радио.

Джонс. Бразильские танцоры петляют среди посетителей в бойком ритме капоэйры. Один бывший министр, довольно важная птица при Четвертой республике, норовит прихватить за грудь молодую актрису, восходящую звезду. И, как всегда, не обходится без шествия парней и девиц, которые носят живых омаров на голове или пробуют выгуливать их на поводке: по какой-то непонятной причине омар стал самым модным животным Парижа в 1980 году.

У входа два аляповато одетых усача суют вышибале пяти-сотфранковую купюру, чтобы тот их впустил. Они оставляют в гардеробе зонты.

Саид спрашивает Хамеда, как насчет травки. Хамед жестом показывает: «спокуха» и скручивает косяк на низком столике в виде голой телки на четвереньках, как в баре «Мо-локо» в «Заводном апельсине». Рядом с Хамедом на угловом диване затягивается через мундштук Алис Сапритч¹¹⁸ с царственной улыбкой и боа вокруг шеи (самый настоящий боа, – думает Хамед, но тотчас решает, что это очередное разводилово). Она наклоняется к ним и кричит: «Ну как, птенчики, кайфовая ночка?» Хамед улыбается, запаливая косяк, но Саид отвечает: «С чего вдруг?»

Сержанту в баре удалось раскрутить Боно на выпивку, и Слиман задается вопросом, на каком языке происходит их общение – непохоже, чтобы они вообще разговаривали. Два

¹¹⁸ Алис Сапритч (Alice Sapritch, 1916–1990) – французская актриса армянского происхождения.

усача сели в углу и заказали бутылку польской водки со стеблем зубровки внутри, поэтому к их столику подтянулся красивый молодняк обоих полов, а следом – парочка второсортных звезд. За стойкой бара Виктор Печчи¹¹⁹ (брюнет, рубаха нараспашку, в ухе бриллиант) что-то обсуждает с Витасом Герулайтисом¹²⁰ (блондин, рубаха нараспашку, в ухе кольцо). Слимман издали здоровается с каким-то анорексичным юнцом – тот разговаривает с вокалистом из «Taxi Girl». Рядом, прислонившись к бетонной стойке в виде прямоугольной дорической колонны, басист группы «Téléphone» бесстрастно подставляет щеку подружке, которая лижет ее, показывая, как пьют текилу в Орландо. Сержант и Боно исчезли. Ив Муруси присел на уши Слимману. Из туалета появляется Фуко и начинает о чем-то увлеченно болтать с певицей из «АВВА». Саид тормозит Хамеда: «Мне нужна доза, антрацит, марафет, снежок, кокс, сахарок, слоник, носорог, что угодно, ну достань хоть что-нибудь, блин!» Хамед дает ему косяк, который Саид злобно вырывает из рук, будто хочет сказать «в задницу твое пыхло», но сует самокрутку в рот и затягивается с отвращением и жадностью. Усачи в своем углу болтают с новыми друзьями, чокаются и восклицают: «Na zdravé!» Джейн Биркин пытается что-то сказать парню,

¹¹⁹ Виктор Печчи (Victor Pesci, р. 1955) – парагвайский теннисист, финалист Открытого чемпионата Франции 1979 г.

¹²⁰ Витас Герулайтис (Vitas Gerulaitis, 1954–1994) – американский теннисист, финалист Открытого чемпионата Франции 1980 г.

который похож на нее, как брат родной, но он раз пять просит ее повторить, и она отмахивается – безнадежно. Саид кричит Хамеду: «Что нам остается? ЕСП?¹²¹ План какой?» Хамед понимает, что Саид не успокоится, пока не получит дозу, трясет его за плечи, твердит «слушай», глядя прямо в глаза, как будто приводит в чувство чувака, впавшего в ступор или накачавшегося до упора, и достает из кармана сложенную пополам картонку формата А5. Это приглашение в «Адамантиум» – клуб, который только что открылся напротив «Рекса», и как раз сегодня там эксклюзивная вечеринка в духе 70-х, как написано на флаере под здоровой рисованной головой, чертами отдаленно напоминающей Лу Рида¹²², а разогревать ее должен один знакомый дилер. Хамед просит у Алис Сапритч ручку и старательно выводит имя дилера заглавными буквами на обратной стороне флаера, который торжественно вручает Саиду, а тот бережно прячет во внутренний карман и отчаливает. Усачам в углу, в нелепых прикидах, похоже, весело с новыми друзьями, они придумали оригинальный коктейль пастис-водка-сюз, и к ним подсе- ла Инес де ла Фрессанж¹²³, но, заметив, что Саид собрался на выход, они прекращают смеяться, аккуратно отодвигают

¹²¹ Единая сельскохозяйственная политика (*фр.* PAC, La politique agricole commune).

¹²² Лу Рид (Lou Reed, 1942–2013) – американский рок-музыкант, один из основателей группы «The Velvet Underground».

¹²³ Инес де ла Фрессанж (Inès de La Fressange, р. 1957) – французская модель; позднее – дизайнер одежды.

ударника из «Trust», который лезет к ним целоваться с воплями «Brat! Brat!», и разом встают.

По Большим бульварам Саид движется решительно и не видит за спиной двух вооруженных зонтами мужчин, которые следуют за ним, держась на расстоянии. Он прикидывает, сколько раз придется отсосать в сортире «Адамантиума», чтобы заплатить за грамм кокаина. Может, лучше взять амфетамины – не так клево, но и не так дорого. И кайф дольше. И ослабляет стояк. Но трахаться все-таки охота. Корооче. Пять минут – снять клиента, еще пять – найти свободную кабинку, пять – отсос, итого четверть часа на брата, трех раз должно хватить, а то и двух, если найдется кто при деньгах или кому сильно приспичило, а в «Адамантиум», как он слышал, стараются подогнать сливки помажористее, не каких-нибудь дешевых обдолбанных лесбиянок. Если потрудиться, то через час будет у него доза. Между тем двое провожатых успели его догнать, и вот, пока он собирается перейти бульвар Пуассоньер, первый, нацелив зонт вниз, колет его в ногу через вареные джинсы, а когда Саид, вскрикнув, подпрыгивает, второй сует руку ему за пазуху и вытаскивает флаер, спрятанный во внутреннем кармане. Не успел Саид оглянуться – эти двое уже на другой стороне; он чувствует пульсацию в ноге, помнит, как едва заметно скользнула чья-то рука по телу – видать, карманники, – и лезет проверить, на месте ли документы (денег у него нет), понимает, что украли приглашение, и у него начинает кружиться голо-

ва; он бросается вдогонку с криками «мое приглашение! отдайте!», но голова кружится все сильнее, его охватывает слабость, в глазах туман, ноги перестают слушаться, он останавливается посреди дороги, закрывает глаза рукой и падает, а со всех сторон сигналият машины.

На следующий день в «Ле Паризьен либере» сообщат о кончине двух человек: алжирца двадцати лет, умершего от передозировки прямо посреди улицы, и сбывчика, которого запытали до смерти в туалете «Адамантиума», недавно открывшегося ночного клуба, так что префект тотчас распорядился его закрыть.

– Эти ребята что-то ищут. Вопрос только в том, Хамед, почему не нашли.

Байяр пожевывает сигарету, Симон играет со скрепками.

Барта сбила машина, Саида отравили, дилера запытали, квартиру перевернули вверх дном, и Хамед решил, что пора идти в полицию, поскольку он сказал о Ролане Барте не все: когда они встречались в последний раз, Барт оставил ему один документ. По кабинетам разносится стук пишущих машинок. Набережная Орфевр гудит в полицейских и административных заботах.

Нет, те, кто обыскивал квартиру, документ не нашли. Нет, он не у него.

Почему же он так уверен, что его не забрали? Потому что его не было в комнате. И не могло быть: он его сжег.

Ясно.

Он его прочел? Да. Может ли он сказать, о чем там речь? В общем, да, наверное. О чем? Молчание.

Барт попросил заучить документ наизусть, а затем уничтожить. Видимо, южный акцент представлялся ему мнемотическим средством, облегчающим запоминание. Хамед сделал это, потому что, хотя Барт был старым и некрасивым, с пузом и двойным подбородком, ему по-любому нравился этот дедок, превращавшийся в грустного мальчишку, когда

рассказывал о своей маме, и было лестно, что в кои-то веки уважаемый профессор поручает ему дело не орально-гениального свойства; еще Барт пообещал ему три тысячи франков.

Вопрос Байяра: «Вы можете зачитать нам этот текст?» Молчание. Симон перестал собирать колье из скрепок. Снаружи продолжается хор пишущих машинок.

Байяр предлагает жиголо сигарету, тот берет – срабатывает характерный инстинкт, хоть он и не курит черный табак.

Хамед выпускает дым и продолжает молчать.

Байяр подчеркивает, что Хамед явно владеет важной информацией, которая привела к смерти по крайней мере трех человек, и, пока она не предана огласке, его жизнь под угрозой. Хамед возражает: напротив, пока эта информация остается только у него в голове, убить его не могут. Тайна – залог его жизни. Байяр показывает фотографии дилера, которого пытали в туалете «Адамантиума». Хамед долго рассматривает снимки. Потом откидывается на спинку стула и начинает декламировать: «*Блажен, кто странствовал подобно Одиссею, / В Колхиду парус вел за золотым руном...*»¹²⁴ Байяр вопросительно смотрит на Симона, тот объясняет, что это стихотворение Дю Белле. «*Когда же те места я посетить сумею, / Где каждый камешек мне с детских лет знаком...*» Хамед говорит, что выучил стихи в школе и до сих пор помнит: видно, что он горд своей памятью. Байяр со-

¹²⁴ Здесь и далее перевод В. Левика.

общает, что может задержать Хамеда на сутки. Да пожалуйста, – отвечает Хамед. Байяр затягивается очередным «Житаном», прикурив от предыдущего хабарика, и продумывает план действий. Домой Хамеду возвращаться нельзя. Есть надежное место переночевать? Да, он может пойти к своему другу Слиману, это у бульвара Барбес. Придется на какое-то время исчезнуть, не ходить в привычные места, не открывать дверь незнакомым людям, на улице быть внимательным, почаще оглядываться, короче, затихариться. Байяр просит Симона подвезти жиголо на машине. Интуиция подсказывает ему, что тот скорее доверится человеку молодому и не из полиции, чем легавому в летах; к тому же, в отличие от полицейских из романов и фильмов, он ведет другие дела, так что не может сто процентов своего времени посвящать этому расследованию, и не важно, что Жискара назвал его приоритетным, а Байяр за Жискара голосовал.

Он отдает необходимые указания, чтобы им выделили машину. Прежде чем их отпустить, спрашивает Хамеда, говорит ли ему о чем-нибудь имя София, но Хамед отвечает, что никакой Софии не знает. Служащий в форме, у которого недостает пальца на руке, ведет их в гараж и вручает ключи от R16 без опознавательных знаков. Симон подписывает бланк, Хамед усаживается на пассажирское сиденье, и они выезжают из здания на набережной Орфевр в сторону Шатле. За ними трогается черный DS, который спокойно ждал, припарковавшись вторым рядом, и ни один из дежурных по-

лицейских этим не обеспокоился. На перекрестке Хамед говорит Симону (со своим легким южным акцентом): «Ого! „Фуйехо“». «Фуэго» синего цвета.

Симон пересекает остров Сите, минуя Дворец правосудия, и приближается к Шатле. Он спрашивает Хамеда, зачем тот отправился в Париж, на север. Хамед объясняет, что в Марселе педикам плохо, в Париже лучше, хоть это и не панацея (Симон отмечает про себя, что Хамед знает слово «панацея»), здесь на педиков не так косо смотрят, а быть педиком в провинции еще хуже, чем быть арабом. И потом, в Париже полно педиков, у которых полно бабла, и здесь веселее. Симон пересекает на желтый перекресток с улицей Риволи, DS проскакивает следом на красный, чтобы не оторваться. Зато синий «Фуэго» останавливается. Симон рассказывает Хамеду, что преподает Барта на факультете и мимоходом спрашивает: «О чем там, в этом тексте?» Хамед просит сигарету и отвечает: «По чесноку, не знаю».

Симон задается вопросом, не водит ли Хамед их за нос, однако парень говорит, что зазубрил текст, не пытаюсь врубиться в смысл. Предполагалось, что в случае чего он должен кое-куда отправиться и изложить заученное одному конкретному человеку, но больше никому. Симон спрашивает, почему Хамед этого не сделал. Хамед спрашивает, почему Симон думает, что он этого не сделал. Симон говорит, что, по его мнению, сделав это, Хамед не пошел бы в полицию. Хамед признаётся: нет, он этого не сделал, потому что место

слишком далеко, этот человек живет не во Франции, а у него мало денег. Три тысячи франков, которые дал ему Барт, Хамед предпочел потратить иначе.

В зеркале заднего вида Симон замечает, что DS по-прежнему висит на хвосте. Мимо «Страсбур – Сен-Дени» он проезжает на красный свет, DS тоже проезжает на красный. Он сбрасывает скорость, сбрасывает и DS. Он останавливается вторым рядом, чтобы проверить, что будет. DS останавливается за ним. Симон чувствует, как у него начинает колотиться сердце. Он спрашивает Хамеда, чем тот хочет заняться позже, когда у него будет достаточно денег – если однажды они появятся. Хамед не сразу понимает, почему Симон остановился, но вопросов не задает и отвечает, что хотел бы купить судно и катать туристов, потому что любит море, а когда был маленьким, рыбачил вместе с отцом в окрестных бухтах (но это было еще до того, как отец выставил его за дверь). Симон резко стартует, визжа шинами, и видит в зеркало, как гидравлическая подвеска приподнимает большой черный «ситроен», отрывая его от асфальта. Хамед оглядывается, замечает DS, вспоминает машину, которую видел у своего дома и у Бастилии, где была вечеринка, и понимает, что за ним несколько недель следят и десять раз могли убить, но это не значит, что не убьют на одиннадцатый, – он хватается за поручень над дверью и произносит только: «Бери вправо».

Симон гонит, не раздумывая, и оказывается на небольшой

улочке, параллельной бульвару Мажанта; больше всего напрягает то, что автомобиль за спиной, как теперь ясно, даже не пытается остаться вне поля зрения и начинает приближаться с непонятными намерениями, – тогда Симон бьет по тормозам, и DS въезжает в R16.

Несколько секунд обе машины стоят без движения, одна за другой, словно потеряли сознание, и прохожие тоже стоят как вкопанные, потрясенные происшествием. Затем он видит руку, которая появляется из DS, и блестящий металлический предмет, понимает, что это оружие, втыкает передачу, промахивается и не попадает в первую, отчего слышен страшный треск, и R16 выпрыгивает вперед. Рука исчезает, DS, в свою очередь, трогается.

Симон проскакивает все светофоры и без конца сигналиит: кажется, будто сирена взорвала Десятый округ, возвещая о неминуемой бомбардировке или наступлении первой среды месяца¹²⁵, а DS сидит на хвосте, точно истребитель, зафиксировавший прицел на вражеском самолете. Симон задевает 505-й «пежо», с отскока попадает в какой-то грузовичок, вылетает на тротуар, чуть не сбивает пару прохожих и вырывается на площадь Республики. Сзади, как змея, скользит между препятствиями DS. Симон петляет в потоке, стараясь не наехать на пешеходов, и кричит Хамеду: «Текст! Рассказывай!» Но Хамед не может сосредоточиться, он намертво

¹²⁵ В первую среду каждого месяца во Франции проходит проверка систем массового оповещения и безопасности.

вцепился в поручень над дверью и как будто набрал в рот воды.

Симон объезжает площадь по кругу, пытаясь все обдумать. Он понятия не имеет, где окружной комиссариат, но вспоминает бал 14 июля в казарме пожарной части недалеко от Бастилии, в Марэ, устремляется дальше по бульвару Фий-дю-Кальвер и орет на Хамеда: «Ну давай, о чем там? Как называется?» Хамед, белый, как смерть, выдавливает из себя: «Седьмая функция языка». Да, сейчас он начнет говорить, но в этот момент DS успеваает поравняться с R16, стекло со стороны пассажира опускается, Симон видит усача, наставившего на него пистолет, и за миг до нажатия на курок тормозит со всей силы, так что в момент выстрела вторая машина оказывается впереди, но сзади его ударяет «Пежо 404», поэтому R16 сам летит вперед, чтобы вновь поравняться с DS, и тогда Симон изо всех сил выкручивает руль влево, швырнув черный автомобиль на встречу, где тот чудом не сталкивается с синим «Фуэго», движущимся в противоположном направлении, шмыгает в проезд у Зимнего цирка и исчезает на рю Амело, идущей в параллель с бульваром Бомарше, продолжающим Фий-дю-Кальвер.

Симон и Хамед думают, что избавились от преследователей, но Симон продолжает ехать к Бастилии, ему не приходит в голову затеряться в переулках квартала, и когда Хамед начинает механически произносить текст: «Существует функция, независимая от различных факторов, неотъемле-

мых от вербальной коммуникации... и определенным образом их объединяющая. Функция, которую мы назовем...» – в этот самый момент DS выскакивает на перекресток с поперечной улицы, ударяет R16 в бок, и машина летит в дерево под оглушительный визг стали и стекла.

Симон и Хамед еще не пришли в себя, когда из дымящейся «богини» выскакивает усач, вооруженный пистолетом и зонтом, подбегает к «рено» и рвет на себя полуотвалившуюся пассажирскую дверь. Держа пистолет на вытянутой руке, целится в лицо Хамеду, жмет на курок, но ничего не происходит, пистолет заклинило, он жмет снова – клац, клац – глухо; тогда он, как копьё, выставляет вперед свой закрытый зонт и хочет всадить его Хамеду в бок, но тот успевает рукой отвести острие, и укол приходится в плечо, следует пронзительный крик боли, страх переходит в ярость, и жиголо одним движением выхватывает оружие из рук усача, отстегивает ремень, бросается на обидчика и втыкает ему зонт прямо в грудь.

Тем временем другой усач подошел со стороны водителя. Симон видит его и пытается вылезти из «рено», но дверь не поддается, он заперт в салоне, и когда второй усач направляет на него дуло, цепенеет от ужаса, глядя в черное отверстие, откуда сейчас вылетит пуля и пробьет ему голову, в которой успевает мелькнуть: «внезапный взблеск – и ночь...»¹²⁶, как вдруг раздается рев мотора, и усач, сбитый синим «Фуэго»,

¹²⁶ Из стихотворения Шарля Бодлера «Прохожей». Перевод В. Левика.

взлетает и шмякается на мостовую. Из «Фуэго» выходят два японца.

Симон выбирается из машины со стороны пассажира, на карачках спешит к упавшему на тело первого усача Хамеду, переворачивает его и... слава богу, тот еще шевелится. Один из двух японцев приподнимает голову молодого жиголо, получившего укол, щупает пульс и произносит: *пуазон* (яд), но Симон слышит сначала *пуассон* (рыба) и вспоминает, как Барт анализировал японскую кухню, потом переводит взгляд на Хамеда (кожа желтая, белки желтые, тело в конвульсиях), и до него доходит – он кричит, чтобы вызвали «скорую», а Хамед пытается что-то ему сказать, с трудом приподнимается, Симон наклоняется к нему, спрашивает про функцию, только Хамед уже не способен повторить текст, в голове все смешалось – детство в марсельской нищете, Париж, приятели, соития, купальни, Саид, Барт, Слиман, кино, круассаны в «Ла Куполь», атласные блики на маслянистых телах, с которыми он соприкасался, и все же перед самой смертью, когда вдали уже слышны сирены, он успевает прошептать одно слово: не то «эхо...», не то «эко...»

Жак Байяр прибывает на место, когда полиция уже оцепила периметр, но японцы исчезли, и второй усач, тот самый, которого они сбили на «Фуэго», тоже. Тело Хамеда еще лежит на мостовой, там же, где и труп нападавшего с зонтом, воткнутом в грудь. Симон Херцог курит, закутавшись в одеяло. Нет, с ним все в порядке. Нет, что это за японцы, он не знает. Они ничего не сказали, спасли ему жизнь и уехали. На «Фуэго». Да, второй усач, видимо, получил травму. Вообще здоровый он бычина, раз после такого удара очухался. Жак Байяр растерянно смотрит на пазл из двух сцепленных безжизненных тел. Почему именно «богиня»? Их перестали выпускать в семьдесят пятом. С другой стороны, «Фуэго» – модель, едва сошедшая с конвейера, ее даже пока не вывели на рынок. Мелом рисуют контур трупа Хамеда. Байяр закуривает «Житан». В общем, жиголо просчитался: информация, которую он хранил, его не спасла. Отсюда Байяр делает вывод, что убийцы хотели заставить его не говорить, а молчать. Почему? Симон пересказывает ему последние слова Хамеда. Байяр спрашивает, что ему известно об этой седьмой функции языка. Измученный, но не утративший менторского инстинкта Симон объясняет: «Функции языка – это лингвистические категории, описанные великим русским лингвистом по имени...»

Роман Якобсон.

Лекция, которую собрался прочесть Симон, осталась без продолжения. Он вспоминает книгу на столе у Барта – «Очерки по общему языкознанию» Романа Якобсона, открытую на странице с языковыми функциями, и вместо закладки – лист с записями.

Симон втолковывает Байяру, что документ, из-за которого уже убили четырех человек, возможно, лежал у них под носом во время обыска в квартире на рю Сервандони, и не обращает внимания на полицейского, который стоит у них за спиной, а затем, услышав достаточно, уходит звонить. На левой руке полицейского недостает пальца, но этого Симон видеть не может.

Байяр также полагает, что достаточно всего узнал, хотя так и не въехал, что там за фигня с этим Якобсоном; он сажает Симона в свой 504-й «пежо» и шпарит в сторону Латинского квартала; их сопровождает фургон, набитый полицейскими в форме, среди них – тот самый, с оттяпанным пальцем. На площадь Сен-Сюльпис они въезжают под вой сирен из всех динамиков, и это, конечно же, было напрасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.